

АНДРЕЙ ЩУПОВ

ЗВЕРИНЫЙ КРУГ

Книга Лауреат

премии Юлиана Семенова

Андрей Щупов

Звериный круг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48781814

ISBN 9785005088277

Аннотация

Смутное время девяностых, первые признаки расцвета бандитских группировок. Главный герой повести, Валентин Лужин, – человек вне закона и человек без паспорта. Вдвоем с другом они разрабатывают план бегства из страны. Деньги похищаются у крупных авторитетов, которые объявляют Лужину войну. Именно в это тревожное время главный герой встречает свою судьбу, и все страшным образом осложняется...

Содержание

РЕТРОСПЕКТИВА	5
Глава 1	14
Глава 2	25
Глава 3	45
Глава 4	61
Глава 5	87
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Звериный круг

Андрей Щупов

© Андрей Щупов, 2019

ISBN 978-5-0050-8827-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РЕТРОСПЕКТИВА

Она ждала его осенью, но так уж вышло, что встретиться им довелось позже. Почти на полгода.

Оттрещав последними заморозками, февраль успел бесславно скончаться. В город ворвался ребячливый март, поптичьему шумный, по-южному яркий. Было чему порадоваться, было над чем подосадовать. Мир утопал в лужах и маслянистых разводах. Сошедший снег обнажил мертвый асфальт, горы мусора и жухлую скучную траву на газонах.

Так уж вышло... Фраза, подразумевающая неласковую предысторию, нечто внезапное, ниспосланное обстоятельствами. Однако никаких историй он излагать не собирался. Переступив порог, вялым движением Николай опустил к ногам сестры легонький брезентовый мешок и сипловато пробормотал:

– Вот, значит, вернулся...

Она смотрела на брата и не узнавала. Длинный, с поредевшей шевелюрой и нездоровым огрубевшим лицом, он походил чем-то на тех скуластых, исхудавших солдатиков, возвращавшихся с фронта в сорок пятом. Словно ожила хроника минувших лет, настоящее и прошлое перемешалось. С криком девушка повисла на шее брата, осыпая колючие щеки, подбородок быстрыми поцелуями. И впервые Николай неуверенно улыбнулся. Но лучше бы он этого не делал.

Улыбка его выглядела пугающе. Темная подрагивающая полоска рта напоминала прилепившуюся к лицу пиявку. Передних зубов у Николая не было. Все так же он стоял у порога, безвольно опустив руки, даже не пытаясь обнять сестру. Отступив на шаг, Наталья по-новому всмотрелась в него. Страх и жалость холодными щупальцами обволокли сердце. Улыбка на лице брата составляла лишь часть целого. Человек, стоящий перед Натальей, был ей пугающе незнаком. Пустой отрешенный взгляд, мешки под глазами, рубчатый шрам, рассекающий левую щеку. И что-то еще проступало в его чертах... Что-то новое, чего раньше не было. Впрочем, она уже не разглядывала. Выступившие слезы превратили стены прихожей и тощую, застывшую в дверях фигуру в колеблющийся туман.

– Испугалась? Ничего, привыкнешь, – Николай засмеялся. Каркаяще и так же сипло. Больно пожав ей плечо, прошел в квартиру...

А позже они пили на кухне чай с клубничным вареньем, и после каждого глотка Николай блаженно постанывал. Наталья ни о чем не расспрашивала. Все тот же страх заставил забыть о вопросах, и она сама рассказывала о новой работе, о засеваемых в саду грядках, о студентике ухажере, стеснительном и беспомощном. Временами ей казалось, что Николай не слышит ее, но она продолжала тараторить, заполняя тишину нехитрыми новостями, заранее страшась его шепелявой речи, того, что он может ей поведать. И только раз го-

рестным возгласом у нее вырвалось:

– Господи! Да ты словно из тюрьмы вернулся!

И снова Николай сипло рассмеялся. Кружка в его руке задрожала, расплескивая чай.

– Тюрьма? Н-н-нет, Ната, это не т-тюрьма, – слова давались ему с трудом, ко всему прочему он еще и заикался. – Чтобы угодить туда, где я был, нужно совершить одно-единственное преступление – дожить до восемнадцати.

Дрожь его прошла, Николай потянул кружку к губам. Кадлык на длинной жилистой шее судорожно задвигался. Чаепитие получилось невеселым.

А на второй день он залепил ей оплеуху. Николая взбесили жалостливые глаза сестры. И когда она ударилась в слезы, с ним стало твориться неладное. Руки Николая заходили ходуном, голос сорвался на визг. Он кричал что-то неразборчивое, и с криком, словно воздух из пробитого баллона, силы стремительно покидали его. Бледный, задыхающийся, он рухнул на стул и зарыдал. С ужасом она смотрела, как, обхватив лысеющую голову, он рвет жиденький ежик волос, роняя светлые пучки на колени, как часто вздрагивает его сторбленная спина.

На следующее утро все и выяснилось. Знакомому врачу, усталому и тусклолицему, не понадобилось много времени, чтобы определить болезнь Николая. Выписав направление в психотерапевтическое отделение, он наговорил Наталье множество непонятных слов. Единственное, что она уяс-

нила, это то, что брат ее сошел с ума. Тихое помешательство с туманным названием, писанным на латыни. В довесок к шрамам на лице и выбитым зубам. Протягивая направление, врач как бы невзначай поинтересовался:

– Он что, вернулся оттуда?

Наталья не поняла, что именно эскулап подразумевает под этим «оттуда» и блеклым голосом сообщила, что Николай демобилизовался из армии.

В этот же день за многие сотни километров от города, в котором проживали Николай с Натальей, на глухой лесной поляне стояли двое. Лица их были багровы, на обтянутых солдатским сукном спинах темнели широкие пятна. Чтобы добраться до этого места, им пришлось брести пехом двое суток кряду.

– Похоже, финишировали, а, лейтенант?

Офицер промычал невнятное, поморщившись, потянул носом. Морщиться было от чего. Пятна крови виднелись по всей поляне. Взрытый когтями дерн, поломанные ветки и что-то багрово-лоскутное, размерами никак не похожее на человеческое тело, лежащее как раз посреди поляны.

– Хорошая работенка, верно?

– Черт!.. – Лейтенант наконец-то справился с собой. – А где же... Где остальное?

– Известно где! У Хозяина в брюхе. А скорее всего – уволок куда-нибудь и спрятал. Он – товарищ запасливый. Все равно как хомяк.

Лейтенант приблизился к помятым кустам барбариса, разглядывая землю, нахмурился.

– Следы-то какие!

– Это точно, лапка у Хозяина крупная... – Сержант опустился на кочку, широким платком утер взмокшее лицо. – Это нам еще повезло. Могли и неделю топать.

– Могли, это точно.

– Хорошо, мошкеры нет, а то бы совсем припухли.

– Мошкеры?.. А этого тебе не достаточно? – Лейтенант кивнул на забрызганные кровью ошметья, сплюнул под ноги. – Сколько возни теперь будет! Объяснения, протоколы...

– Кому-то будет, а кому-то нет, – сержант нагло улыбкался. Он был лучшим сыскарем на все ближайшие зоны, и панибратство ему прощалось. Бывший таежник и нынешний срочник слыл незаменимым в подобных охотах. Кроме того – до конца службы ему оставалось немногим более трех месяцев.

– Да и что будет-то? Одежонка чья? Его. Кровушку тоже возьмем на анализ. Всего и делов!

– Делов... – Офицер хмуро покосился на подчиненного и неожиданно ощутил беспричинную зависть. Был сержант тощ и жидковолос, ростиком едва доставал до плеча лейтенанта, – однако вот не потерялся в армии, в люди выбился

и чушком не стал.

– Как он брел по воде столько? Вот я чего не пойму!

– Ради свободы и не такое проделывают. Да и не брел он, а плыл.

– Плыл?

– Ну да. Вниз по течению, как я и толковал. Эти ребята – все до единого халявщики.

– Так холодно же!

– А помните те обрывки полиэтилена? И тут – вон пара кусков валяется.

– И что?

– А то, что эти хитрецы «гидрокостюмы» себе сооружают.

– Гидрокостюмы?

– Ага, портняжное дело – нехитрое. Трава, тряпье, стекловата какая-нибудь, а поверх слой полиэтиленовых кульков. И проводом. Удобства, конечно, сомнительные, – зато сутки можно по любым рекам сплаваться.

– Дела-а!.. – лейтенант продолжал описывать круги по поляне. – Похоже, все-таки протек его «гидрокостюмчик». Раз выбрался на берег.

– А может, оголодал.

– Может, и так... – Офицер склонился. – Вон следы какие четкие. Его и медведя. А тело косолапый, должно быть, и впрямь с собой уволок.

– Знамо, с собой. Только я так соображаю: может, оно и к лучшему, что уволок? Нам-то с вами трупак зачем?

Его же назад тащить бы пришлось. Вертушка тут близко не сядет, сами видите – лес да вода. Разве что на крюк цеплять или по трапу, но тоже радости мало. Перемазались бы, как черти.

Тут он был прав. Погоню уже трижды дробили по водным протокам. От лагеря отмахали километров сто, если не больше. Жутковатая находка и невеселый финиш устраивали всех. Следы на земле, примятый кустарник, а главное – окровавленное тряпье. И меньше разговоров – про «курорт», про разгильдяйство охранников. Нет беглеца, нет и дела, а вместо трупа – хватит пары лоскутьев. Да вот еще полиэтиленовые ошметья прихватить для доказательности.

– Ну что, будем догонять Хозяина?

– Перебьется, – лейтенант ковырнул сапогом кочку. Под ногой чавкнуло, полосатый бородавчато-коричневый лягушонок испуганно скакнул в сторону, притаился в жухлой траве.

– Заявку егерям дадим, и хватит. Пусть шарят вокруг, если не лень. Мы свое отработали.

– Вот и я так думаю. Чего пятки зря мозолить.

Лейтенант озабоченно потер лоб ладонью.

– А он не мог медведя того? Все-таки у него «Макаров» был.

– Ага, из такой пукалки – и по медведям садить! Тогда уж сразу из рогатки! – сержант гоготнул, и начальнику стало ясно, что вопрос смешон и нелеп. Действительно, – огром-

ный медведь и крохотный «Макаров»! Да и расстрелял, судя по всему, заключенный все свои патрончики. Еще там, возле изолятора.

– Кстати! Он тут близко, случаем, не шастает? В смысле – косолапый?

– Вряд ли. Чего ему шастать? На сытый желудок оно спать всегда тянет, а не бродить по окрестностям.

– Стало быть, закурим... Заодно и ракету дадим, – лейтенант еще раз настороженно огляделся. Кругом шелестел лес, деревья отбрасывали сумрачную недобрую тень. Видимо, поняв его состояние, сержант поспешил успокоить:

– Нормально, лейтенант! Автомат – тот же карабин. Если знать, куда бить, – все одно не устоит. Хоть сохатый, хоть косолапый. Главное близко не подпускать. Они, медведи-то, быстро умеют бегать, и когти подлиннее наших штык-ножей будут. Взмах – и нет скальпа, еще разок – и хребет пополам.

– Вот и переломил клиента... – Лейтенант с трудом оторвал взгляд от кучи окровавленного тряпья. Над останками беглеца кружили мухи, подходить и вглядываться не хотелось.

– Ну что, даем ракету?

Сержант с легкостью кивнул. Офицер поднял к небу толстый ствол сигнального пистолета. Хлопок с чувствительной отдачей, и гроздь зеленых огней прочертили в высоте крутую дугу.

– Красиво! – сержант задрал голову. Лейтенант тоже про-

следил за траекторией искусственных звезд.

Как ни крути, дело сделано. По крайней мере, их задача выполнена, пусть теперь ищачат другие. Изучение места происшествия, фотографии, образцы ткани с кровью – это загонщиков уже не интересовало. Лейтенант тяжело опустился на корточки – совсем, как зэк. Оно и понятно, с волками жить, по-волчьи выть. Манеры конвойные войска и впрямь перенимали у урок с удручающей быстротой – к жаргону приучались, к чифирю. Еще и ножи с наборными рукоятями за голенищем таскали, многие и татуировкой зонновской баловались. Начальство, разумеется, обо всем знало, однако смотрело сквозь пальцы, мирилось, как с неизбежным.

Родив невеселый вздох, лейтенант стянул с головы фуражку, закоростевшими за время охоты пальцами сунул в зубы мятую сигарету. Подчиненный с готовностью поднес зажигалку.

Глава 1

В некоторых широтах иллюзия праздничности, увы, – привилегия темного времени. Тусклое переходит в спектр невидимого, унылое исчезает, и даже казармы перестают быть казармами. Лампочки, бра, фасонистое сверкание люстр способны превратить любой загаженный город в очаровательную картинку. Человеческий мозг тянется к тайнам и он же по собственному бессилию не переносит изобилия цвета. Ночь одинаково отвечает и первому и второму требованию. И когда томный кавалер-вечер обволакивает землю широкими объятиями, ей Богу, людям стоит на пяток-другой минут выбраться на улицу. Мир в тихие ночные часы воистину преображается...

Ветер налетел издалека, пригнул черные верхушки, зашелестел листвой. Поежившись, часовой сонно огляделся. Из деревьев, обступивших помещение склада, внимание привлекло то, что росло ближе к окнам. Чем-то оно напоминало выпрашивающего подаяние нищего. Ветви тянулись к электрическому свету, загибаясь чуть вверх, совсем как человеческие ладони, согбенный ствол взывал о милости. Подивившись столь неожиданному сравнению, часовой заворочался на мешках, устраиваясь поудобнее. Глаза привычно пробежались по стенам склада, задержались на красочном плакате. Губы рядового расплзлись в ухмылке. Плакат

изображал классическую троицу: бородатого детину в шлеме времен Святослава, юного комсомольца в буденовке и человека в звездной зеленой каске. Все три воина хмурились, глядя в загадочную даль, и никто из них не подозревал, что проказливый карандаш успел поработать над ними, надписав на груди каждого, кто есть кто. Командир полка находился справа, старшина Курамисов слева, прапорщик Дудашкин, хозяин склада, если верить надписи, располагался в центре, подменяя собой юного комсомольца в буденовке. Для верности образа тот же карандаш прогулялся по лицу буденовца, прибавив щетины и подрумянив нос. Не удовольствовавшись этим, неизвестный художник пошел дальше. К уголку рта сурового комсомольца хлебным мякишем был приклеен потемневший чинарик. Именно такие чинарики видели в зубах Дудашкина присылаемые на развод наряды. Сходство, таким образом, становилось полным, не вызывая ни малейших сомнений. Если поработать еще над глазами, да подузить буденовскую статью... Часовой не успел довести мысль до конца. Обитая железом дверь распахнулась под ударом бравого прапора.

– Пар-рашу!..

Смеющаяся женщина, суетливо оправляя юбку, выскользнула наружу. Покачиваясь неустойчивым фрегатом, следом выплыл помятый прапорщик.

– Не волнуйся, Ленок, армия тебя проводит и доведет. А то хрен их знает, кто там сегодня на проходной, – Дудаш-

кин пьяно повертел головой. – Васька! Где ты, ядрена-матрена?!

С пилоткой в одной руке, с автоматом в другой, часовой выскочил из-под навеса, споткнувшись о мешки, не удержался и растянулся на бетоне. Прапорщик громко фыркнул.

– Ты-то когда успел, японский городской! Спал, небось?

– Как можно? – часовой торопливо напяливал пилотку на голову. – Только что сделал обход, а тут как раз вы...

– Потрепись мне! Я таких обходчиков – насквозь видел и на пальцах вертел! – Дедушкин приобнял свою подругу. – Вот, проводишь товарища, как положено. И чтоб никаких мне! Чтоб все тип-топ, ясно?

– Обижаете, гражданин фельдмаршал, – глаза часового смешливо заморгали. – Как скажете, так и будет.

– Действуй. И чтоб все чисто и тихо!

– Еще увидимся, а? – Леночка потрепала прапора по багровой физиономии. Улыбнувшись, двинулась неровной походкой по асфальтовой дорожке. Козырнув левой рукой, часовой поспешил следом. Дорожка была узкой для двоих, и он запетлял растерянным зайчиком, не зная с какой стороны пристроиться. Сунув руки в карманы, Дудашкин наблюдал, как удаляющиеся фигуры неспешно огибают залитый светом плац, скрываясь за неряшливо стриженной акацией. Неожиданно вспомнилось, что, ласкаясь, женщина называла его сизокрылым. Тогда в пылу борцовского азарта он не обратил на это внимания, а сейчас стало отчего-то обидно.

– Сизокрылый... – Проворчал он. – Сама-то! Грудь, как уши у спаниэля.

Дохнув кислым богатырским духом, прапорщик покосился на свою тень. Богатырь – не богатырь, но на великана он немного смахивал. Тень раскачивалась могучей грот-мачтой, угрожая земной тверди рухнуть, ударив головой, грудью, коленями.

Рывкнуть бы, – неожиданно подумал он. Чтоб обосрались и тревогу боевую подняли. С перепугу... Только ведь не перепугаются. Сунется какой-нибудь бдительный в форточку, а после настучит-доложит по начальству. И тот же Курамисов пойдет с по утра и, отослав посторонних, засадит не поставному в зубы. Это он, стервец, умеет! Костяшки набил на своих тренировках. Мог даже и сломать что-нибудь... И тогда... Ох, что же тогда будет!.. Сжав кулаки, Дудашкин застыл, напряженно созерцая разыгравшуюся в воображении картину. Джэб левой, как у Мохаммеда Али и тут же полновесный апперкот. Курамисов с воплем летит на пол, в дверь заглядывают нечаянные свидетели, по части ползут слухи о жуткой силище хитреца-прапора...

Рыхлое, усеянное красными пятнами лицо Дудашкина сморщилось. Вот если бы все это в жизнь да в явь! Вот почему во сне одно, а на работе другое? Почему все наши фантазии по боку? Кто, черт подери, так распорядился?

Сплюнув горестным плевком, прапорщик приблизился к стриженному под полубокс кустику и помочился в зве-

нящий комарами сумрак. Путаясь пальцами в мокрых пуговицах и насвистывая сквозь зубы, повернул обратно. То есть – попытался повернуть. На деле подобные вещи оказываются порой невыполнимыми. Приплясывающие фонари, окна – все вокруг сплотилось против Дудашкина. Даже Луна, – он это явственно видел, – начинала вращаться, мелькая все быстрее своими мутными континентами, вспухая и опадая, словно задыхаясь от собственной скорости. Земля превратилась в палубу корабля, и палуба эта, игриво качнувшись, встала на дыбы, сделав попытку опрокинуть человека, поправ гордость и силу гомо-новуса. Новуса, поскольку сапиенсом там и не пахло. Растопырив руки, прапорщик с трудом удержался на ногах. Приступ злобы сменился неясным торжеством. А спустя мгновение, хозяин склада ощутил горечь от того, что все его бросили, оставив в полном одиночестве. Трагедия сердца и пьяная кутерьма чувств тушились одним-единственным способом, и, вспомнив о недопитой водке, Дудашкин немедленно тронулся в путь.

Увы, дорога до дверей, прямая и близкая, перекрутилась змеиным выводком, и чтобы добраться до склада, ему пришлось сначала углубиться в кустарник, ломая ветви, вывернуть на цветочную клумбу и лишь после этого, опустившись на четвереньки, взять курс на освещенный прямоугольник окна. Спустя минуту он ткнулся носом в плакат и с изумлением обнаружил, что здесь написана его фамилия. Боец на плакате, кого-то удивительно напоминавший, смотрел

неприятно и строго. А беломорина в его зубах наполнила прапорщика смутными подозрениями. Отвернувшись от плаката, Дудашкин с усилием поднялся, выпачканными в земле ладонями принялся отряхивать китель. Перебирая стену руками, добрался до двери и движением утопающего ухватился за ускользящую стальную ручку.

– Я вас всех!.. Как Курамисова!.. – пошатываясь, он вошел в складское помещение и замер.

За столом сидели люди. Двое. Покупатель, с которым прапорщик встречался на пару недель назад, и какой-то худой тип, с неприятным угрюмым лицом. Готовое сорваться с губ ругательство умерло, не родившись. Прапорщик Дудашкин лишь безмолвно открыл и закрыл рот. Пальцы его машинально поползли по медным округлым пуговицам, проверяя степень беспорядка. Впрочем, если не блевал, значит, порядок. Дудашкин несколько взбодрился.

– Не суетись, – сказал тот, что сидел ближе. – Закрой дверь и присаживайся.

Послушно выполнив указание, прапорщик приблизился к столу, косо окинув взглядом следы недавнего пиршества, рухнул на скрипнувший табурет. Хмель стремительно улетучивался.

– Как вы сюда это... Пробрались? Тут же заборы, охрана!

– Охрана твоя в карты режется. На вышке пусто.

– Твари! Ох, доберусь до них... – Дудашкин мутно посмотрел на угрюмолицего. – А это кто? Где-то я его видел.

Или нет?.. Погоди мы же без посторонних договаривались!
Ты кого, едрит твою, привел?

– Он не помешает. Наоборот. Ты приготовил то, о чем тебя просили?

– Я? – прапорщик лихорадочно соображал, пинками выгоняя из черепной коробки остатки хмельного угара. – А ты? Ты вроде тоже кое-что обещал.

– Помню, генерал, помню. Пятнадцать штук со мной, как договаривались.

На стол поверх хлебного крошева плюхнулось три пачки. Рука Дудашкина сама собой поползла к деньгам.

– Бери, бери... Где машина?

Прапорщик словно не услышал вопроса. Скрючившись на стуле, шевелил губами, пересчитывая купюры. Нет ничего хуже, чем вести дела на пьяную голову. Разум подсказывал выставить гостей вон, но они принесли живую капусту, и это все меняло. Выдернув наугад несколько пятидесятирублевков, он помял их в опытных пальцах, прищурившись, поглядел на просвет.

– Так что у нас с машиной?

– С машиной? – Дудашкин нахмурился. – С машиной – нормалек. Вот только...

– Что еще? – в голосе покупателя прозвучали недобрые нотки. Покосившись на своего приятеля, он пояснил: – Этот хитрец пытался мне всучить сперва старенький ГАЗ-69.

– Да это ж когда было! – прапорщик прокашлялся, напус-

кая на себя бодрость и ум, натужно изобразил улыбку опытного менялы.

– Теперь все чин-чинарем. «УАЗ-469», настоящая фирма! Только тут другое.

– Что другое?

– Ты, главное, не кипятись, екалэмэнэ. Я же не виноват. Я тебе, как другу, хотел. Но этот новый начштаба!.. Такой жлобяра, понимаешь! Пару дней назад начал шерстить бухгалтерию. По складам со своими гидами прошелся. В каждую дыру заглядывал...

– Углядел что-нибудь?

– Ну так... Ангелов тут нет. Нарыл, конечно, штрафов на-выписывал... А я тебе не списанное барахло предлагаю, – настоящий ульяновский джип. Один из последних с полностью син-хра... хранизированной коробкой передач, с подвесными педалями. Наши механики замки туда врезали, дверцы уплотнили, – прапорщик издал причмокивающий звук. – Покрышки, мотор – все экстра-люкс! И то, что в кузове, тоже точно по списку.

– Сколько ты хочешь? – глухо осведомился гость.

– Еще десять, – прапорщик на секунду опустил глаза. – Это чтобы штрафы, значит, и все такое...

– Стало быть, двадцать пять – аванс, пятнадцать ты получил только что, и еще десять?

– Этот начштаба... – Начал было Дудашкин и смолк. Собравшись с духом, все-таки договорил: – Меньше никак

не выходит. Одних надо подмазать, другим презент преподнести. А тут полное новье, я ж толкую...

В помещении повисло тягостное молчание. Нарушил его обладатель землистого неприятного лица.

– Не плати этой шкуре.

Говорил он нечленораздельно, с пугающим сипом.

– А это уж как хотите, – прапорщик издал нервный смешок. – Машина заправлена, ключи здесь, – он похлопал себя по нагрудному карману. – Хоть сейчас можно баб катать.

– Ладно... Пять тысяч добавлю.

Четвертая пачка легла на стол. Прапорщик разомкнул губы, чтобы сказать «нет», но вместо этого согласно кивнул. Черт его знает, как это вышло. Оттого-то и не любил он пьяных сделок.

– Итак, где машина?

Дудашкин неловким движением придвинул деньги к себе. Жирная рука с третьей или четвертой попытки выцепила из кармана связку звонко колыхнувшихся ключей, уронила на скатерть.

– На стоянке перед Домом профсоюзов. Это тот, что с белыми колоннами и завитушками.

– Они все с белыми колоннами. Какой у нее номер?

– Да узнаешь. Много их, что ли, – с брезентовым верхом? Да и номер все равно липовый. – Прапорщик фыркнул, но тут же замахал руками. – Только с этим сами потом разбирайтесь, ваши дела – ваши заботы. На переднем стекле

техник-дурила малиновую нашлепку с Микки-Маусом приклеил. По ней и определишь.

– Ясно, – человек напротив него нервно потеревил кончик носа. Поднявшись, гибко перегнулся через стол, накрыл ладонью увязанные тесьмой пачки.

– Эй, ребятки! Вы чего?! – в судорожном порыве прапорщик потянулся к деньгам. Видимо, покупатель только того и ждал. Свободной рукой он без замаха коротко и сильно ударил военного. Стены, потолок, штабеля ящиков пестрым вихрем пронеслись перед глазами падающего Дудашкина. Хрипло ругаясь, он попробовал подняться, но рядом уже стоял землестолицый. Прапорщик даже не успел прикрыться. Удары градом обрушились на него, погасив сознание, опрокинув на пол.

– Хватит! – человек, рассовывающий по карманам деньги, кивнул на лежащего. – Усади его за стол, Колюнь. И морду оботри. Пусть думают, что спит. А завтра он сам не вспомнит, что произошло.

– Г-гадина, – заикаясь, произнес напарник. Потирая разбитые костяшки о собственные брюки, сумрачно спросил: – К-кому УАЗ-то? Алоису?

– Зачем? Себе, конечно. Машина и впрямь добрая, а о себе, Колюнь, тоже иногда нужно беспокоиться.

..Чуть позже они стояли среди деревьев, наблюдая, как спотыкающимся шагом возвращается к складу часовой. Приблизившись к порогу и чуть помешкав, солдат заглянул

в помещение. Хмыкнув, аккуратно прикрыл дверь и поплелся к мешкам под навес.

А через час с небольшим, взревев двигателем, от Дома профсоюзов отъехал защитного цвета «УАЗ». Сгустившаяся тьма заставила зажечь фары. Они ехали, не торопясь, зная, что погони не ожидается. Город спал, власти дремали. Успев перебраться чуть выше, все тем же бледным и печальным оком луна взирала на черные кубы домов, на черные лабиринты улиц, на черных, оживающих с окончанием дня людей.

Глава 2

А началось это так. Оба – и Герек, и Туз давно маячили на мушке сметливого Алоиса. И тот, и другой имели ахиллесову пяту – любили выпить – и выпить крепко. В один из летних вечеров их умело подставили. Требовалось сдать незадачливую парочку ментам, их и сдали, предварительно, упаковав в карманы нужные бумажки. Было продумано все – даже возможность использовать карманника Пынжу, незаметно всучившего выпивохам компромат, – не учли только самой малости. Наряд, приехавший по вызову, пожурил двух татуированных кабанов, но ни обыскивать, ни увозить с собой не стал. То ли почувствовали масть, то ли просто лень было связываться. И потому пришлось прибегать к повторному звонку – с угрозами и криками негодования, с требованием немедленно вернуться и забрать «нехристей». Для надежности разнесли одну из витрин, задействовав сигнализацию магазина. Терпение и труд все перетрут. На этот раз ошеломленных и ничего не понимающих «кабанов» повязали по-настоящему. И всех своих наблюдателей Алоис тотчас перетасовал, услав к главному объекту вожделения – железнодорожному вокзалу.

Искусство банся – удовольствие из дорогих, его надо оплачивать, как многое-многое другое. А железная дорога – это государство в государстве, из транспортной магистрали

способная превратиться в золотую магистраль, в неистощимую жилу, в скатерть-самобранку, по велению слова обеспечивающую всем необходимым и в самые кратчайшие сроки. Люди Алоиса давно уже обживали заповедную территорию, однако ключевые посты начальников депо, завскладов и прочих именитых чинуш оставались за «централами» – Малютиным и Суликом. Ссориться с ними Алоис не хотел, однако и упускать из рук лакомый кус не собирался. Долго ждать не пришлось. Бумажки, обнаруженные в карманах двух «буянов», сработали похлеще иной бомбы, и машина правопорядка со скрежетом стала раскручиваться, а, раскрутившись, ударила молотом по шаткой структуре товарного депо. Судя по всему подключился и местный ОБХСС. Люди «централов», словно в детских «щелчках», начали слетать с игровой доски один за другим. Этого Алоис и ждал. Уже через пару часов после первых арестов, его парни посадили на перо особо строптивного «зама», а с моста в реку Тешу очень удачно скovyрнулся упрямый силовик, прикрывавший вокзальных вараваек. Днем позже нужным людям в нужном тоне были сказаны заветные слова. Большого Алоису не потребовалось. Он создал патовую ситуацию, заставив беспечных «централов» встревожиться и растеряться. Этой растерянностью Алоис и намеревался воспользоваться.

Совершенно секретно
Начальнику Отдела «Зодчие»
полковнику госбезопасности
тов. Рюмину К. Н.

ДОНЕСЕНИЕ

Сообщаю, что 30 июля в 18—40 на территории Объекта проходило собрание «авторов», лидеров подростковых группировок города. Из «руководителей» присутствовали: Сулик Семен Поликарпович (директор спорткомплекса «Энергия»), Малютин Григорий Матвеевич (президент производственного объединения «Европа-Восток»), Крамаренко Лев Аронович (главный администратор спорткомплекса «Энергия»).

Агент Мох подчеркивает факт отсутствия среди «руководителей» фигуры №4 – Александра Петровича Заварского (кличка Алоис). По мнению агента причина отсутствия кроется в размолвках среди руководства Объекта.

На время собрания с 18—40 до 21—30 охрана Объекта была усилена до трех десятков человек. Оружие – милицеские дубинки, пистолеты «ТТ», «Макаров» и пр. Агент Мох, имеющий при себе записывающую аппаратуру, на собрание допущен не был. Таким образом, о состоявшейся беседе ничего не известно.

С целью выяснения личностей участников собрания, их адресов и пр. за отъезжающими была установлена слежка. В 21—36 группа «авторов» в количестве более десяти чело-

век в сопровождении охраны на шести машинах двинулась вниз по улице Горького, свернув на проспект Вернадского, остановилась возле ресторана «Иволга» (второй этаж для спецперсонала, имеются отдельные кабинеты). Воспользовавшись паузой, капитан Кравчук В. Н. вызвал по радиации вспомогательный отряд дорожной милиции. Чуть позже вблизи автостоянки был замечен «наблюдатель», высокий блондин с короткой стрижкой, лет 25-ти, одетый в синий спортивный костюм из эластика. В 22—58 из ресторана вышел один из охранников Объекта (кличка Колет). «Блондин», перебежав улицу, оказался рядом и, не вступая в разговор, применил газовый баллон. Затаив потерявшего сознание охранника в его же машину (марка «Жигули», номер СОТ 3216), неизвестный двинулся по улице. Опасно виляя, на ул. Белинского машина зацепила припаркованный возле промтоварного магазина автофургон. Сразу после этого ударом бампера был разбит дощатый забор возле строящегося здания техникума. После чего на скорости свыше девяноста километров в час машина помчалась по полосе встречного движения и, достигнув дома №14 по Пушкинской улице (здание городской прокуратуры) скользким ударом задела стоящую там милицейскую «Волгу». Через четыре квартала в туп. Крещенского неизвестный покинул «Жигули» и скрылся. Подоспевшая к месту происшествия бригада ГАИ под руководством лейтенанта Шапошникова С. К. провела задержание Захарова Евгения Петровича (он же Ко-

лет), отметив в протоколе, что задержанный находился в состоянии глубокого опьянения.

Агентам, продолжавшим слежку за «авторами» до 01—30, удалось установить адреса и данные семи человек (список прилагается).

По фотографиям, сделанным из окна машины, одному из внутренних агентов Объекта удалось опознать неизвестного «блондина». По словам агента это один из телохранителей Заварского А. П. (он же Алоис). Считаю целесообразным установить особое наблюдение за Алоисом и его окружением. Личность «блондина» предлагаю проверить через сводные архивы МВД СССР.

*Начальник бригады «Кобра-2»
капитан госбезопасности Толь А. О.
2 августа 1989 года*

– Гляди-ка! Тоже играют в казаков-разбойников, – майор Липецкий с усмешкой отодвинул от себя лист.

– А ты как думал! У нас свои шахматы, у них свои.

– Сначала майданные дела, теперь подставы. Это все Алоис воду мутит. В бонапарты рвется, козлик. Карьеру делает.

– Да и пусть. Если рвется, значит, нарвется. Не завтра, так послезавтра. Жадность – она любого сгубит – и фраера, и не фраера.

– А вот это навряд ли. Нашим начдивам этот Алоис, похоже, нравится. Как ни крути, интеллигент, не дебил

из психушки. Таких приятнее контролировать. И договориться в случае чего можно.

– С каких щей?

– Да с таких, у интеллектуалов сто два крючочка кроме женщин и выпивки. Легче манипулировать.

– Выходит, создаем очередную китовую акулу?

– Не китовую, а тигровую! – дежурный офицер прижал палец к губам. – Только учти, это даже не секрет, а секретик.

– Не маленький, понимаю.

– Вот и понимай про себя, – привычным росчерком подтвердив время получения документа, офицер кивнул коллеге. – Иди догадливый, порадуй старика.

Телефон стоял возле зеркала, и, прижав трубку к уху, он прислушивался к далеким гудкам, рассеянно изучая собственную внешность. В особенности интересовал его нос. Вероятно, любопытство вызывало нечто инородное, возникшее после недавней операции. И тогда же, видно, появилась привычка теревить кончик носа указательным пальцем. В сущности, Валентин готов был принять произошедшие с ним перемены, но глаза, пальцы полагали иначе, проявляя забавную самостоятельность. Ничего удивительного. Человек привыкает к самому себе с отроческих лет, на все новое

ему требуется время. Врач предупреждал, что годик-другой нужно поостеречься от различного рода ушибов. Нос, а тем более нос послеоперационный, – вещь чрезвычайно хрупкая. Валентин особенно не возражал, хотя срок назвали большой. Непомерно большой. И до конца этого срока надо было еще умудриться дожить.

Провода вибрировали и звенели голосами, шуршали шепотками и смехом. Миллионы словесных мелочей ручейками перетекали из одного конца города в другой и обратно. Наконец трубку подняли, и мужской голос раздраженно осведомился:

– Да. Кто это?

– Мой тебе совет, Сулик, – шепнул Валентин, – катайся на «Жигулях». На «Вольво» ты не тянешь.

– Что?!..

– И не путайся у меня под ногами, зашибу!

– Сука!.. Ты... Откуда у тебя мой телефон?!

Валентин звучно прокашлялся в трубку, мягко опустил ее на рычаги. Покосившись на часы, хмыкнул. Секунд двадцать – не более. А Юрий, давая ему телефонную приставку, клялся и уверял, что запеленговать номер невозможно в течение нескольких минут. Даже с аппаратурой госбезопасности. Значит, можно было побазарить еще. О ценах, о погоде, о девушках. Интересно, каких девушек любит Сулик?

Взглянув на себя, Валентин поморщился. Не очень-то и интересно. Может, и вовсе было лишним – звонить, ки-

пеш поднимать? Плевал Сулик на все эти психические атаки, а наезжать на него – все равно что мухе пинать слона. Ни малейшего смысла. Да он, собственно, и не ставил перед собой какой-то определенной цели. Захотелось – и позвонил. Заодно номерок проверил. Детская шалость – и только.

Валентин подумал, что Юрию об этом говорить не следует. И вообще сегодня созваниваться им не стоит. Бывший однокашник и лучший друг заслуживал более трепетного отношения, а в том состоянии, что у него сейчас, с друзьями не разговаривают, – с ними ссорятся.

Прищелкнув языком, Валентин прошелся по коридору до дверей своей комнаты. Бесцельно подхватил со старого кованого сундука какой-то журнал, не глядя, запустил в угол. Встав на руки, несколько раз отжался от пола, раскачиваясь, двинулся на кухню. На ладони тут же налипла пыль. Не слишком они любили с дедом уборки!.. Спрыгнув на ноги, он покрутил руками. Зудело в предплечье, пальцы нервно сжимались и разжимались. Мешок бы боксерский! Или штангу килограммов на девяносто. И пятнадцать-двадцать жимов в предельном темпе!..

Валентин отряхнул ладони, зажмурившись, с шипением выдохнул из себя воздух. Не помогло. Нет, братцы! Йога – йогам, а ему бы что попроще и понадежнее...

На кухне пахло почему-то помидорами, на подоконнике в бутылки из-под молока торчала тополиная ветка. Разумеется, дед успел обежать магазины и снова пропадал во дворе

с приятелями доминошниками. На дверной ручке висела перегруженная авоська, и Валентину, таким образом, оставалась самая малость – провести сортировку продуктов и разложить их по полкам, хлебницам и холодильным камерам. Дед уважал распределение обязанностей и частицу работы всегда оставлял постояльцу, что давало ему право говорить «мы», а не «я», и подобную деликатность Валентин оценивал по достоинству. Вот и сейчас при мысли о дедовской тактике от сердца разом отлегло. Как будто увидел смеющегося ребенка или щенка в корзинке.

Бутылки с кефиром он поставил в холодильник, лук высыпал в капроновый чулок, черную подгорелую буханку кинул в жестяную хлебницу. Что там еще?.. Холодец? Ай, да дед! Холодец они любили оба... Ополоснув руки, Валентин ощутил мимолетную зависть. Деду перевалило за восьмой десяток, а жизнь по-прежнему не утратила для него интереса. Он помнил гражданскую и голод в колхозах, воевал в Отечественную и был дважды ранен, имел награды. Довольствуясь малым, не канючил о пенсии, газеты использовал по их прямому назначению – то бишь нарезал квадратиками в качестве туалетной бумаге или заворачивал в них колбасу с рыбой. Завтрак, обед и ужин – по-спартански, чтение исторических фолиантов и мемуаров, игра в домино – в большем старик не нуждался. По выходным с туго набитой сумкой на колесиках он убрался на «секретные мероприятия». То бишь приторговывал на местной толкучке книгами, чего абсолют-

но не чурался, полагая, что «пища духа» – она и есть «пища духа». Как говорится, не шапка с пьяного прохожего и не сало с бужениной. «Книга – вещь сортом повыше и не для всякого оглоуда! Они же, сегодняшние-то, ничего не читают! Завязли в своем бизнесе, как в дерьме каком. Всех интересов – заглотнуть дома пива пару банок, да на телку сговорчивую взгромоздиться...» Таким был дед Валентина, хотя на самом деле дедом ему он не являлся. Просто знакомый знакомого, согласившийся предоставить Валентину комнату за смехотворную плату, а главное – без всякой прописки. Это дед называл «жизнью на доверии». И оба, похоже, были таким раскладом довольны. «Все мое государство во мне самом! А паспорта – они для слепых...»

В общем и целом они ладили. Может быть, даже дружили, насколько вообще возможна дружба между старыми и молодыми. Дед не любил скуки и рутины – и события вне обычного распорядка воспринимал, как подарок судьбы, как выигрыш в лотерею. Вероятно, Валентин и был для него подобным событием.

В передней коротко тенькнул звонок, заставив постояльца вздрогнуть. Дед вернулся? Или кто другой?.. Пройдя в прихожую, Валентин глянул в глазок. На площадке стоял парнишка лет десяти-девяти. Это еще что за номер? Очередной сбор макулатуры?

– Физкультпривет! – он приоткрыл дверь на ширину ладони. – Тебе чего?

– А Костик дома?

– Что еще за Костик? Нет здесь никакого Костика.

Мальчишка задумался.

– А водички? Водички, дяденька, можно?

– Да, – Валентин прищелкнул створками и зашагал в сторону кухни. Костик какой-то, водички... Уже наливая в кружку воду из чайника, он похолодел. Утверждаясь в случайной мысли, вернулся обратно.

– Эй, пионер, ты где?

Парнишки не было. Далеко внизу постукивали сандалеты. Валентин поставил кружку на стиральную машину, на мгновение задумался. Мысли навалились скверные и неудобные. Так оно и должно было случиться. Коли сгустились тучи, грянет и гром... Он бросился было в комнаты, но вовремя вспомнил, что окна выходят не во двор. Пришлось в носках выскакать на лестничную площадку. Окна подъезда были в пыли и, конечно, не раскрывались. Тут и там шляпки гвоздей, – не пожалел же кто-то!.. Ладонью Валентин наскоро обтер стекло. Отвоевывав чистое пространство, прильнул лицом к окну.

Парнишка как раз выбежал из подъезда. Черные джинсики, темная футболка... Кося глазами, Валентин чуть переместился. Малолетний проситель пересек двор, оглянувшись, свернул под деревья к скамье. Кто-то там сидел, но разглядеть – кто именно, представлялось невозможным. Валентин нервно прикусил губу. Костика, значит, тебе с водич-

кой? Кто же тебя, щенка, подослал?.. Стремглав он бросился по ступеням вверх.

– Метель нам пела песенку... – Валентин стремительно натянул на ноги кроссовки. – Спи, елочка, бай-бай...

Связку ключей в карман, темные очки и... Пожалуй, все. Не теряя времени на шнуровку, бросился вниз. Как же все-таки его вычислили? И кто именно?

Спустя минуту, он уже выходил из подъезда. Четверо мо-локососов, сидя на корточках, цыркали сквозь зубы на асфальт, лениво смолили сигареты. Валентин на них не взглянул. Внимание его было приковано к скамеечке, прячущейся под кронами стриженных тополей. Разумеется, там уже никто не сидел. Чертыхнувшись, Валентин побежал. Теперь уже было не до театрализованной конспирации. Несolidный дяденька бежит, как маленький. И пусть... Возле скамьи он огляделся. Три пути и три дороги. К остановке, к магазинам и... Он интуитивно выбрал третье направление – по дорожке, пересекающей детский скверик, напрямик выводящей на дыру в заборе, позволяющую проскользнуть в соседний двор.

Он успел вовремя. Загадочные посетители как раз сворачивали за угол – мальчишка и высокий, чуть сутулящийся мужчина. Славная такая парочка! Отец и сын, дядя и племянник... Валентин перешел на шаг, переместившись к бровке, чтобы не маячить посреди дороги. По части слежек он уже набил руку. Скверный опыт, однако в его слу-

чае до зарезу необходимый. Мимоходом в киоске купил газету, свернул в рулон. Плохо, когда пустые руки. Это настояжливает. Сумка, авоська, какая угодно малость – и вид тотчас меняется. Черт его знает почему. Людская психология! Еще бы задымить сигареткой – тоже невинный нюанс, но Валентин не курил. Совсем. Этому его не смогли приучить даже ТАМ...

К главному «майданщику» он отправился сам, взяв с собой только троих наиболее проверенных людей. Конечно, проще было бы послать кого-нибудь из ребят, но с ними этот индюк просто не стал бы разговаривать. Да и деликатное предстояло дельце. Такое Алоис не мог бы доверить посторонним. Только сам, своими собственными руками! Чтоб не мучиться потом и не ворочаться в постели – так или не так сделали. Уж у него-то, он не сомневался, все выйдет наилучшим образом. Он не горилла Мак и не тугодум Бакен. Справиться-то они, наверняка, справятся, но каким именно образом и с каким результатом? Для Алоиса это было крайне важно. От этого «как» зависело очень и очень многое.

Всю дорогу он был погружен в мрачные раздумья и только раз отвлекся, когда машина резко притормозила, заставив качнуться вперед.

– Вот урод! – водитель испуганно оглянулся на хозяина.

Он и ругался-то для него. – Не люди бы, придавил бы суку на месте!

В такие секунды люди вроде него хватаются за оружие, да и Алоис готов был кинуться на дно машины, ожидая услышать частые хлопки, однако причина оказалась будничной – дорогу перебежал пьяный крепыш. Бутылка «Русской» в руке – точно граната, заломленный на ухо голубой берет, грудь нараспашку, полосатая тельняшка. У киоска через перекресток толклась целая компания таких же плечистых молодцев. Алоис, хмурясь, припомнил, что и в собственном квартале видел пьяных десантников. Но тогда было не до того, и внимания он им не уделил.

– В чем дело, Бугда?

Лысый великан, исполняющий при Алоисе обязанности начальника охраны, платком промокнул лоб.

– Второе августа, – пояснил он. – День ВДВ. Сегодня по всему городу эта пьянь шарится.

– У нас во дворе тоже они шашлык на огне жарили?

– Точно, – Бугда смущенно кашлянул в кулак. – Сегодня, сами понимаете, с ними лучше не связаться. Весь город под ними. Менты – и те стороной обходят.

– Ясно, – Алоис моментально выбросил из головы случайное событие. Мозг он берег лишь для фактов исключительных, имеющих к ближайшему будущему непосредственное отношение.

Пока Бугда с помощником проверяли подъезд, он без осо-

бого интереса разглядывал дом, в котором обитал главный майданщик. На первый взгляд – ничего особенного. Заурядная хрущевка. И двор неухоженный – надписи на стенах, тара, бутылки... Алоис поморщился. Людей, не умеющих обустроить собственный быт, он не презирал. Не умеешь мало-го, не лезь в паханы. Политик, сын которого – оболтус и двочник, навряд ли может называться политиком. Сына воспитать проще, чем подмести страну, однако вот ведь парадокс! – сыновей у нас мало кто воспитывает, а претендентов в секретари, директора и президенты – вагон с тележкой! Впрочем, на подобные вещи Алоис и его коллеги смотрели не всегда одинаково. В этой несхожести он, собственно, и видел свою особую полноценность, а значит, и неполноценность окружающих. Лишняя тема для спора и лишний повод для гордости.

– Все чисто, босс, – держа правую руку в кармане, Бугда вернулся к машине. – Этот кент без охраны. Дерюга там, на лестнице.

– Иду, – Алоис распахнул дверцу, со вздохом выбрался наружу.

Как и положено, они распили по рюмочке ликера, перекинулись парой слов о том, о сем, и только после этого Алоис выложил карты.

– Мда... Такие дела, Люмик. Кто-то сдал тебя. Причем из своих же.

– Кто? – темные глаза Люмика, первого майданщика города, зыркнули из-под густых бровей.

– А ты подумай.

– Нечего мне думать. Знаешь, говори.

– Знаю я немного, – Алоис тонко улыбнулся. – Знаю, что тот, кто тебя сдал, имел на руках хорошие козыри. А сегодня этот кто-то пришел Мозыря, твоего зама.

– Что?! – Люмик подался вперед.

– Думай, Люмик, думай!

На лице хозяина отразилось смятение. Он и впрямь пытался усиленно соображать, но к досаде Алоиса, не делал никаких предположений.

– Ароньч, – шепотом подсказал гость. – Теперь усек? Вспомни, как он целил на твое место.

– Все целили. И ты, кстати, тоже. А Ароньч?.. Да с какого перепугу? Мы же ровно жили! У него свои дела, своя кодла.

Уже по одной интонации было ясно, что затея не удалась, и Алоис подумал, что зря заказывал портативный диктофон, зря испрашивал консультацию у любителей монтировать и стыковать магнитные записи в любом удобоваримом порядке. Люмик не баловал гостя многословием, а петь под суфлерский шепот коллеги явно не собирался. Что ж, тем хуже для него. Алоис поднялся.

– Красивая картина, – причмокнув губами, он обошел хо-

зьяина и замер возле стены. Картина была так себе, но ему необходимо было вытащить из-за пояса пистолет. По возможности незаметно. «Браунинг», калибр двадцать два – то самое, что называют дамским оружием. Но и дамское оружие способно жалить. Алоис спустил предохранитель.

– Неплохая репродукция, – он облизнул пересохшие губы, чуть обернулся. Люмик сидел спиной к нему и прихлебывал из бокала. Ему было не до картин. Железнодорожная империя Люмика рушилась на глазах, и бедолаге-императору было над чем поломать голову.

– Поставь бокал, Люмик! – шагнув к своей жертве, Алоис нежно прижал ствол к виску сидящего. – Медленно и осторожно. Вот так! Не вышло терпилы из Аронича, может, что выйдет из тебя.

Вибрирующий бокал вернулся на стол, и в тот же миг пуля пробила тонкую кость, заставив голову Люмика дернуться. Алоис закрыл глаза, мысленно сосчитал до десяти. Вот и все. Теперь обтереть пистолет и вложить в руку этого идиота. Правый висок, правая рука – все точно. А бокалы с бутылочкой – в полиэтилен и на квартиру к Мозырю. Последняя точка в майданном деле – заключительная и самая важная – будет поставлена.

Ступени вели вниз в подвальную глубь, и Валентин вни-

мательно всматривался под ноги. Окурки, плевки, смятые сигаретные облатки – значит, щедро топчут. Туда и обратно... Что же у них там такое? Не хаза же. Время другое, чтобы хазы в подвалах устраивать. Сегодняшняя гниль наружу выползает начинает – все смелее и отважнее. Их время пришло – буржуинское. Так что с подвалом – как-то оно непонятно. Если это люди Сулика, то нечего им тут делать...

Он втянул носом воздух. Кто-то курил за углом. Сидел на ящике и курил. Валентин видел край дощатого ящика, различал клубы дыма. А дальше дверь и приглушенные голоса. Может, трое болтают, а может, и поболее народу собралось. Так – на расстоянии да в полутьме – не определишь.

Он соображал недолго. Пятясь, осторожно выбрался назад под открытое небо, бегло огляделся. Во дворе тут и там лежали покрышки от грузовиков. Кто-то засыпал их изнутри землей, засадил цветами. Для пущей красоты новоиспеченные газоны раскрасили масляной краской – да не просто так, а с узорами! Желто-оранжевая полоска, шашечки, какие-то цветочки, вензеля... Мальцы со спичечными коробками ходили вдоль покрышек-клумб и выслеживали редких пчел. Маленькие ручонки боязливо подрагивали, в самую последнюю секунду жужжащие любительницы нектара ускользали.

– Зачем ловите? – поинтересовался Валентин.

– А мы не себе, мы вон для Мишкиного деда.

– У него это... Спина болит.

– Понимаю, – Валентин кивнул, поневоле вспомнив и сво-

его деда. – А ну-ка!..

Забрав коробок у заботливого внука, присел и медленно стал заводить руку. Хлоп! Пленница сердито забилась и загудела в коробке. Мальцы радостно запрыгали.

– Чингачгук, Соколиный Глаз! – похвалил себя Валентин. – Берите, несите своему деду.

Схватив коробок с пленницей, мальцы стремглав умчались. Оставшись один, Валентин задумался. Что же делать? Забыть и оставить все как есть? Но ведь его пасли! Как-то бы выяснить – кто и с какой целью?.. С завистью он покосился на снующих по цветочным головкам пчел. Вот у кого ни хлопот, ни забот. Один лишь честный добросовестный труд во благо пчелиного братства. И одно-единственное жало. Разумеется, для врага.

Он и впрямь поставил их в патовое положение. Огромная территория осталась без вожака, без контролера и порученца. Подходящего человечка на такое место враз не посадишь. Нужны база, фундамент, связи. У Алоиса все это имелось. Более того – в кассу на благое дело он намеревался предложить вдвое большую сумму, нежели отдавал Люмик с Мозырем. Но главное – им некогда было выбирать и выгадывать. Свято место пусто не бывает, и из соседних городов уже потянулись первые посыльные, разноухивающие что да как.

Территорию следовало столбить и побыстрее – да так, чтобы сомнений ни у кого не оставалось: власть – прежняя и власть крепкая. А потому, позволив себе выждать пару дней, Алоис созвонился с «централами». Едва поздоровавшись, поинтересовался напрямую:

– Будем и дальше смотреть, как питерцы на вокзале околачиваются? Или ждем варягов из столицы?

– Ароныч еще не подъехал.

– Так у вас что – с консенсусом проблемы? Или молитесь на Ароныча?

– А чем он тебе не хорош?

– Почему же, Ароныч очень даже хорош. Но только на своем прежнем месте. На майданщика, сдается мне, он никогда не тянул.

– А ты, значит, тянешь?

– Рискните. Дело само себя покажет.

Прежде чем ответить, Сулик размышлял добрую минуту. Мысленно торопя его, Алоис любовался на себя в зеркале и криво улыбался. Не любили его «централы». Ох, как не любили!

– Хорошо. Подъезжай завтра – в наше козырное местечко, ты знаешь. Там и обсудим все в подробностях.

– Договорились, – плавно опустив трубку на рычаги, Алоис с воплем выкинул в сторону огромного зеркала кукиш. – Съели, волки! Никуда не делись, синюшные! Значит, и дальше будете хавать! Все, что вам, оглоедам, предложат!

Глава 3

Он продолжал описывать круги вокруг дома с подвалом, когда двое богатырей заступили ему путь.

– Привет, зема!

– Здорово, братки, – Валентин остановился. Что к чему он сообразил сразу. Голубые береты, надраенные до блеска значки, треугольнички тельняшек и багровые, называемые в народе репами лица. Конечно же, войска дяди Васи! Именно они ныне гуляли, бедокурили и задирали прохожих.

– На фуфырь добавишь?

– Запросто, – еще не успев толком сообразить, зачем он это делает, Валентин вытянул из кармана червонец.

– Ого, не жлоб!

– Где служил, кореш? – красная лапа десантника сграбастала Валентина за шею. Но не слишком серьезно – скорее по-дружески.

– Дальний... А потом полгода в Германии.

– Круто! А чего без формы?

– Сняли. В первую же неделю, как дембельнулся.

– Чего-чего?

– Погоди!.. – тот, что обнял Валентина за шею, заставил приятеля умолкнуть. Пальцы его клещами стиснули Валентина. – Как сняли? Кто?

– Да вот, нашлись гаврики замурзанные.

– На кой им твой мундир?

– Ты у них спроси.

– А ты чего не спросил? Пуговики торопился расстегивать? – здоровяк убрал руку и теперь нехорошо улыбался. – Какой же ты, к лярве, десант?

– Пуговики, говоришь? Пуговики – это можно. Покажу, если хочешь... – Валентин медленно расстегнул ворот. – Ну что, зема, красиво?

Шрам был не ахти какой, но вид имел вполне доказательный. Две багровых физиономии сунулись вперед, разглядывающая демонстрируемую улику.

– Их, зема, трое было. У двоих перья. А я под мухой возвращался. Так и получилось.

– Нормально! Значит, отмудохали?

Валентин покривился.

– Ни хрена бы у них не вышло. Пусть и с перьями. Только по голове чем-то треснули. С самого начала. А потом ногами добивали. Три ребра, сотряс – и месяц в больнице... Червончик-то чего не берете? Я от сердца, – Валентин сунул купюру в красную ладонь. – А этих сук я уже выследил. Сегодня всех и скручу. Так-то, земеля.

Теперь на него глядели иначе. Пьяный человек – злее, но пьяный человек – и доверчивее.

– Может, дерябнем? Капуста все-таки твоя.

– А чего, давай, – Валентин кивнул.

То, что пришло ему в голову, сходу забраковал бы Юрий.

По сотне самых разных причин. Не уважающий скоропалительных решений, подобных авантюр Юрий никогда не поощрял. Этим они и отличались – стремительный «Скорпион» от осторожного «Козерога», вспыльчивый «Тигр» от предусмотрительной «Змеи». И городя весь этот бред насчет службы в ВДВ, потерянного мундира и ножевых ранений, Валентин действовал скорее по наитию. Логика шла вторым эшелонem, запоздало подтверждая, что все и впрямь реально, что вариант рискованный, дурной, но почему бы и нет?

В ближайшем гастрономе, имеющем зал с высокими неуклюжими столиками, где посетители подкреплялись булочками и кофе, к ним присоседился еще один «голубой берет», сутулый и печальный Венечка, которого первые двое немедленно узнали, с десяток раз хлопнув по плечу, не без торжественности представив Валентину. Обступив шаткий стол, они водрузили поверх расстеленной газеты только что купленную бутылку «Столичной», Митяй, так звали одного из десантников, без очереди купил кулек рисовых пирожков.

– Туфта, зато горячие, – радостно доложил он.

– Сойдет, – сержант Шура, самый рослый и басовитый из представителей «кусачих ангелов», зубами сколупнул серебрястую пробку и хозяйственно разлил водку по стаканам. – Маловато вообще-то на такую ораву.

– Сто двадцать пять граммuleк на брата, – быстро подсчитал шустрый Митяй.

– Еще купим, – пообещал Валентин. – Осталось еще в за-
гашнике.

На него глянули с уважением.

– Молоток! – Шура кивнул. – Я сразу просек, что из на-
ших. Как увидел, так и усек.

– Значит, за знакомство?..

За первой бутылкой последовала вторая, а за второй тре-
тья. Болтали о самом обычном – о гадах-политиках, что
не дают жить и работать, о паскудах, что догрызают стра-
ну, о невестах, что не дождались. Само собой, волновались,
горланили громче положенного. На них пробовала шумнуть
продавщица, но одного взгляда налитых кровью глаз Венеч-
ки хватило, чтобы заставить ее примолкнуть.

– Значит, говоришь, трое их было?

– Трое, – Валентин вяло жевал рисовый пирог.

– А в подвале том – что?

– Черт его знает. У них там на стреме сучок какой-то, а ок-
но низенькое, грязное – не заглянуть.

– Сучка Митяй снимет, – решил Шура. – А там по обста-
новке.

– Нечего вам туда соваться, – Валентин продолжал рисо-
ваться. – Мое это дело. Личное.

– Не баклань, германец. Личное – когда тет-а-тет, а тут

несходняк голимый. Вместе все и прокрутим. И шушеру твою накажем. Нас по России и так всего ничего. Не будем друг дружке помогать, – спалят одного за другим.

– Ты пойми, – Валентина обнял Митяй, жарко зашептал в ухо, – только один денечек в году наш! Один, вкуриваешь? И это, брат, святое! Сегодня нам все можно, а завтра – хрен! Скрутят, поломают и почки отобьют. Будут, суки, доказывать, что гражданка сильнее.

– Только мы им не кто-нибудь, мы – вэдэвэ, ферштейн?! – мясистый кулак Шуры долбанул по столешнице.

– Тогда пошли, – Валентин решительно отстранился от стола. Настроение у него неожиданно испортилось. Логика, нагнавшая, в конце концов, юркую интуицию, разобрала ситуацию по косточкам и вынесла обвинительный вердикт. В том смысле, что затеял он форменную чепуху. Скверную и глупейшую. Мало того, что втравил в разборку нормальных пацанов, еще и упустил тех, что были ему нужны. То есть, почти наверняка упустил. Будут они сидеть дожидаться. Наведались в подвал, доложились и слиняли. Самое правильное – было сыграть на попятный. Отчалить от этой команды и по-тихому исчезнуть. Но... Дела, как и все в этой жизни, обладают могучей инерцией. Что там вещали бородастые революционеры?.. Идеи овладевают массами и становятся материальной силой. Вот, понимаешь, и овладели. Все раскручивалось уже само собой, и изменить что-либо он был не в состоянии.

По улице шли снежным комом, к которому неведомо откуда лепились блуждающие по городу и уже крепко заряженные «землячки». Командовал войском басовитый Шура, а вел их по-прежнему Валентин. Плескалась в желудке выпитая водка, пирожки с рисом чувствовали себя неудобно. Дом свой он описал по крутой дуге, остерегаясь наткнуться на деда или кого-нибудь из соседей. Когда подошли к злополучному подвалу, их было уже человек пятнадцать. Чуть ли не два десятка раскаленных до красна «реп», взбаламученных градусом головушек. Половина из них и знать не знала, куда и зачем они прутся. Но затевалось что-то решительное, и в этом решительном они не прочь были поучаствовать. Так, должно быть, собрали казачки свою армию в очередной набег в турецкие вотчины. Гнали на стругах, топили корабли, врывались на узенькие улочки Константинополя. «Сарынь на кичку, братушки!» – и так далее. С уханьем, с азартом, не ради барыша – ради бодрящей мужской игры...

Первоначальный план, разумеется, был нарушен. Вместе с Митяем снимать зловредного «сучка» сунулось сразу трое или четверо. Валентин успел рассмотреть только очумелую, заросшую щетиной харю, и тут же ее заслонили бугристые силуэты «голубых беретов». В несколько секунд чугунные кулаки атакующих превратили физиономию часового в подобие сочащейся пиццы. Дверь открывалась наружу, но кованными каблуками ее выломали, опрокинув внутрь, и горлящая братва ворвалась в сумрачное помещение.

В одном Валентин, по счастью, не ошибся. Гнездышко и впрямь оказалось из махровых. Их не ждали, однако услышав вопли охранника, успели потушить свет, рванув хором к черному ходу. Помешало обилие людских тел. Кого-то из бегущих сумели свалить, кого-то прижать к стеночке, и немедленно образовалась куча-мала. В сумраке били вслепую, мяся кулаками воздух, яростно матерясь. Пытаясь нащарить на каменной стене выключатель, Валентин слышал истошный вопль Митяя:

– Лежать, падаль! Всех перестреляю!..

Сунувшись в сторону, Валентин наткнулся животом на стол и едва не упал. Но падать в такой толчее не рекомендовалось, и через стол он просто перепрыгнул, ногой наступив на мягкое и тотчас услышав истошный женский визг.

– Где свет? – нагнувшись, он на ощупь поймал женщину за плечи, с силой встряхнул.

– Разбили... Лампу разбили...

– Спички, Валек! У меня есть! – это уже горланил Шура. – А ну замолчь, падлы!

Кто-то продолжал еще тужить незримых недругов, но общая буза стараниями Шуры и Венечки постепенно шла на убыль. Запалили свечной огарок, и сразу стало тише. На черный ход и на лестницу услали по парочке добровольцев.

– Вот они, Валек, смотри... Которые?

Опухшую дамочку с подтекшей на щеках тушью не трону-

ли, оставив за столом. На полу лежали лицом вниз шестеро мужиков. Пальцы сцеплены на затылке, ноги чуть разведены. Никто никаких команд им не давал, но людишки оказались тертые, без лишних понуканий изобразили полную «третью позицию». Оно и понятно. Точняк, решили, что берет их какой-нибудь спецназ. Митяй с помощниками неспешно ошмонали лежащих. Распаленный десант изучал занятую территорию, осматривал стены и нехитрую мебель.

– Какая-то ночлежка. Причем позорная. Матрасы – прямо аж на камнях.

– Баб, наверное, дрючат.

– Ништяк, мы их самих ща вздрючим...

– Гля-ка! А этот чухан мокрый. Обделался со страха!

– Гляди, чего в карманах нашли, – Шура сунул под нос Валентину пару финок и толстую пачку денег. – Все верно. Тех самых взяли.

Один из десантников кинулся к лежащим и в остервенении принялся гвоздить их ногами. Его ухватили за руки, оттащили к скамейке.

– Чего ты?!

– Так ножом, падлы, пырнули! Я в горячке сразу и не заметил.

– Снимай одежду... Снимай, говорят. Водкой зальем, не помрешь.

– Если смертельно, всех шестерых уроем. И шалаву туда же отправим.

– Ну?.. И чего дальше? – Шура, как всякий случайный лидер, легче спрашивал, чем отвечал. Постановка задач в перечень его привычных функций не входила. Зато выполнять он готов был что угодно.

– Сейчас проведем опознание, – Валентин взял у него один из ножей. Пачку купюр сунул в карман сержанта. – Деньги братве. На праздник... А ну-ка переверните этих козлов. И лучину сообразите!

– Это еще зачем? – проблеял один из лежащих.

– Насиловать будем! – мрачно пошутил Шура.

К разбитым лицам по очереди подносили огонь, Валентин шагал, вглядываясь в пленников. Отметелили блатняков крепко. Потому и не получилось особого сопротивления. Единственный удар ножом пришелся вскользь и был оплачен множественными переломами. Уж Валентин-то знал прекрасно, что это за праздник – озверевшая толпа. А если еще толпа обута в кованые ботинки, да умеет бить... Он перевел взгляд на обувь «потерпевших». В лица всматривался для блезиру. Мужчину он видел лишь издалека и лишь со спины. Да еще, кажется, башмаки его запомнил. Тупоносые, обтертые...

– Вот он, гад! – Валентин коленом опустил на впалую грудь блатаря. – Где пацан, кобел?

– Какой пацан? – глаза у мужичонки забегали, язык неуверенно слизывал выступающую из разбитой губы кровь. Вурдалак да и только...

– Дважды не спрашиваю, – Валентин усилил давление коленом, и в ту же секунду пара добровольных кулаков колотнула из-за спины. Голова мужичонки мотнулась, из носа брызнуло сукровицей.

– Хорэ, парни! – Валентин тряхнул мужичка. – Ну?

– Заходил – и ушел. А чего?..

В этом самом «чего» проскользнула удивительно невзрослая интонация, словно оправдывался не взросляк, а схваченный за ухо мальчуган. Так или иначе, но теперь Валентин уже не сомневался: перед ним тот самый человек, что дожидался мальчонку на скамье.

– Кто дал команду пасти квартиру на Пролетарской?

– Какую, на хер, квар... – вопрос остался незавершенным. Мужичонка вспомнил о кулаках, готовых в любой миг прыгнуть из темноты.

– Жду правды, – зловеще предупредил его Валентин.

– Так это... Пацаны доложили. Там вроде дедок одинокий. Ну и вот... Проверили на всякий случай. Порожняк или что путевое...

И снова сработали кулаки – на этот раз крепче, чем следовало. На минуту блатарь окунулся в беспмятство, а вновь очухавшись, тихо заскулил.

– Кто навел? – переиначил вопрос Валентин. – Сулик, Алоис, Люмик?

Голова лежащего замоталась.

– Тогда кто?

Слезы текли по разбитому лицу, но допрашиваемый молчал. Валентин наклонился к самому его уху.

– Хочешь самого плохого? Могу устроить... Тут твои подельники. Свидетелями станут. На всех зонах потом подтвердят.

Противник всхлипнул. Дураком он не был – понял, чем грозили. И решил сдаться.

– Стол...

– Что, стол?

– Паспортный... Там баба. За монету сливает информацию. О тех, кто, значит, один.

– Имя!

– Не могу я...

– Имя, козлина!

– Люба. Люба Кашева...

Валентин перевел дух.

– Ты про тех двоих спроси, – толкнул его в плечо Митяй. – На кой нам эта Люба?

– Тех двоих, – Валентин нахмурился. – Черт, действительно!..

Заканчивали празднование уже в сумерках под кронами тополей, успев принять на грудь еще по фуфырику, угодив в некое подобие табора, где от тельняшек, значков и беретов

рябило в глазах. В кармане Валентина лежало к этому времени больше десятка бумажек с номерами телефонов, а с Шурой они успели померяться силой на кистях и на кулачках, став практически кровными братьями. Шура подбил Валентину губу, Валентин познакомил сержанта с коронным двойным ударом слева, уложив под вопли «землячества» на землю. Очнувшийся Шура полез целоваться – он уважал силу. Валентин рассудительно объяснил ему, что это еще фуфло, детский лепет и овечьи катышки! – октагон реально круче. И даже бокс, если, конечно, профессиональный – совсем другая песня.

– Сам сравни: двенадцать раундов – и три! Тридцать шесть минут – и девять! Разница! – и он рассказывал что-то о Кассиусе Клее, о Джо Фрезере и Стивенсоне. Кажется, это был центральный парк, и они сидели на траве, поедая консервы, вкуса которых Валентин уже не чувствовал.

– А самое смешное, это простые домушники! – втолковывал он Шуре. – Я-то думал – кто пострашнее. А это так! Шелупонь!

– Но мы их все равно четко уработали. Кащей там понаблюдал издали, сказал, два воронка прикатило. Минут через десять. И всех наших клиентов повязали.

– А чего вязать, – уже связанные! На халяву-то все мастера!..

Не без удовольствия вспоминали, как навестили всем войском и Любочку Кашеву. Вот ведь энергия-то какая

в них пробудилась! Одуреть можно! Адрес сумели разузнать, в подъезд вломились. Квартира впрочем оказалась за бронированной дверью, и открывать им, само собой, не стали. Но на угрозу вызова милиции десантура ответила тем же.

– Вызывай, тварюга! Сама быстрее и сядешь! А мы подождем, чтобы не слиняла прежде времени.

– Чего с ней разговаривать! – вперед выскочил Шура. – Значит, стариков одиноких сдаешь, сука?! – первым же ударом ременной бляхи он раскрошил дверной глазок. – За памперсы, гнида, жизнями торгуешь!..

В дверь принялись молотить чем попало – каблуками, кирпичом, какой-то железной трубой. Попутно в лепешку расплющили почтовый ящик. Милицию Кашева вызывать не рискнула. Потому как суть дела несомненно распознала. Дверь, хоть и железная, против такой оравы выстояла бы недолго, однако, пожалев соседей, усердствовать не стали. Раздумали лезть и на балкон, хотя тот же юркий Митяй уверял, что ему это проще простого – все равно, как два пальца...

– А гробанешься, кому отвечать? – Шура показал Митяю кулак, и, посчитав, что в общем и целом профилактическое внушение сделано, армейцы отправились восвояси. Там нечаянным образом сошлись с прочими гуляками и мутными потоками влились в единую заводь центрального парка.

Шумела над головами листва, кто-то спал, кто-то продолжал бражничать. Самые мудрые отчаливали по домам.

Но тоже не в одиночку. Расходились группами – по три-четыре человека, наскоро приведя себя в божеский вид. Подобной предосторожности имелась причина. К парку съехалось не менее двух десятков милицейских «луноходов». Провоцировать представителей правопорядка не рекомендовалось. Впрочем, и последние вели себя лояльно – косились, но не задирали. К Валентину, облаченному в штатское, интереса и вовсе не проявили.

Домой он добрался взъерошенный и успокоенный. Домушники его не страшили. На домушников он плевал с колокольни, с Эмпайр Стэйт Билдинга и Эйфелевой башни. Тем более, что и плевать уже было не на кого. Мужественные ВДВ разрешили проблему наилучшим образом. Правда, в замочную скважину он угодил ключом только с третьей попытки. Но жизнь не терпит халювы, за все, увы, следовало платить. Дед вышел поглазеть на блудного постояльца, кряхтя, покачал головой и пошел застилать постель. Напутствуя перед сном, посетовал:

– И в кого вы такие слабенькие?

– В Карла Маркса, дед.

– А Маркс тут причем?

– Так мы же это... Потомки его. Верные сыны и наследники.

– Ох, голова дурная! Ну, дурная! – дед поправил на Валентине одеяло. – Маркс, небось, и не пил совсем. Книжки ученые писал. Когда ему было пить?

– А вот и пил – и, кстати, немало. И нас, русских, он с Энгельсом, ой, как не любил. Можно сказать, ненавидел. Сколько грязи они на нас вылили. Одессу с Москвой и Севастополем с землей предлагали сравнять. У них, говорят, и Гитлер много чего понабрался.

– Да что ты такое буровишь-то?

– Все правда, дед, – устало вздохнул Валентин. – Вы про это не знали, да и мы только-только начинаем узнавать. А оно так все дико, что и знать-то про такое не хочется.

– Тьфу ты! Типун тебе на язык! Раньше б тебя за такие слова живо в командировку дальнюю спровадили.

– Кончились, дед, времена командировочные! Аллес цу-замен!

– Дурень ты, Валька! Дурень и балабол. Командировочные времена никогда не кончаются. Это вам мозги сейчас пудрят, отвлекают. А потом возьмут за кадык и вставят по самое не балуй. Распустили языки, обормоты... – дед сердито закричал. – Я вот сегодня тоже про Бабеля брошюрку одну читал...

– Про бабеля? Ну ты даешь! Про бабелей в твоём-то возрасте!

– Дурень! Это фамилия такая!

– А-а... В смысле, значит, Бебель?

– Чего? Да нет, вроде – Бабеля.

– Жаль. А то у нас улица есть. Имени Бебеля. Бабеля нет, а Бебеля – сразу за рынком. Вертлявая такая, длинная...

– Ты выслушай, ботало! Я про другое хотел... Почитал я, значит, и не очень понял, он – что, командир был, писатель или из бандитов?

– Вопросы ты задаешь, дед!

– А как ты хотел. Не тебе одному про историю коросты колупать... Так кто он все-таки – писатель или командир? Бебель-Бабель этот?..

Валентин задумался, а, задумавшись, скоропостижно и уснул. И снились ему Гоголь с Гегелем и Бебель с Бабелем – все четверо в мушкетерских накидках и голубых беретах, с аксельбантами и в надраенных берцах, шагающие в обнимку по улицам революционного города. Не то – Питера, не то – Лондона. И толпы бритоголовых урок с праздничными транспарантами приветствовали славный квартет радостным матом. Шипастые рокеры, понтуясь, проезжали мимо на огромных мотоциклетах и потрясали раздвоенными пальцами, а с крыш лупили по небосводу из автоматов перманентно угнетаемые африканцы. Не иначе как потомки Анжелы Дэвис. Башня Биг-Бена мерно отбивала полдень, и надрывались Кремлевские Куранты, сияясь заглушить западный рэп. Только вот в небе разгоралось уже нечто новое – куда более смрадное и разлагающее, что обещало всей планете единый и безрадостный трындец...

Валентин шумно дышал, временами хрипел. Спать после водки было трудно и муторно, но выбирать не приходилось. Он спал и мучился – от снов, от яви, от своего прошлого.

Глава 4

По экрану разгуливал культурист, и дед, глядя на него, часто плевался.

– Тьфу ты, упырь какой! Руки до пояса, ноги, как галифе. Вот бы шашечку мне, – уж я бы там поработал! Всех этих клоунов – на котлетки покрошил!

Валентин, морщась, хлебнул из банки рассола.

– Больно суров ты, дед. Это вроде тоже как спорт.

– Вроде да как! Не спорт это, Валька, а лавка мясная! Бицепсы-дрицепсы!.. – дед фыркнул. Склонившись над столом, широким носом поочередно принюхался к кастрюлькам. – Видал, чего сготовил? Не хуже любой кухарки!

Валентин отвел взгляд в сторону.

– Что нос ворочаешь? Нутро бурчит? А зря между прочим! Щи – хор, каша – хор, а чай... Вот чай, кажись, подкачал. Басурмане, должно быть, делали.

– Чай – смесь турецкого с грузинским.

– Я и говорю: басурмане. Смесь... – Дед с усмешкой покосился на Валентина. – Чай – это чай, а смесь – это смесь, смекаешь разницу?

Валентин промычал неразборчивое.

– Ломит голову-то, гулена?

– Вроде малость полегче.

– А вот я в твои годики самогонки стаканов пять мог огло-

ушить под праздничек. И на утро вставал свеженький! Что ставили на стол, то и наворачивал. Да потом еще на работу – в цех кузнечный бежал. На полторы смены!

– Время было другое, дед. Вода, воздух, никаких тебе гербицидов.

– Это верно! Никакой-такой экологии мы и знать не знали. Жили себе и не жаловались, – дед ткнул в кнопку, погасил телевизор.

– Не пойму я нынешние передачи. Аэробики-шейпинги разные. А народ – все одно больной. Вчерась про какого-то кутюрье рассказывали. Зачем, спрашивается? Я вот знать не знаю, кто они такие – эти самые кутюрье. Знаю только, что все они педики, а профессия ли, нация – это без понятия.

– Кутюрье – это, – Валентин задумался, – это те, что наряды сочиняют. По-моему...

– Вот именно, – по-твоему. Потому как те, что наряды сочиняют, портными зовутся.

– Да? А модельеры тогда – кто?

Дед шумно и с некоторой даже свирепостью хлебнул из чашки.

– Это, Валька, все чепуха земная! Не об том тебе думать надобно. Ты вот другое объяснил бы, что лучше – социализм или капитализм? То есть, значит, когда жулье снизу или когда жулье сверху?

Валентин рассмеялся.

– Не знаю, дед. Пожил бы годок в загнивающих краях, мо-

жет, и сумел бы сравнить да рассказать.

– А я не жил, но знаю. От человека все зависит! – дед со значением поднял перед собой ложку. – От самого нашего нутряного! А то, что вокруг, это все для блезиру – для обмана глазонек наших.

– Ну уж... А как тогда со свободой быть?

– А никак. Мы ведь ее себе сами придумываем. Каждый – свою собственную, – дед постучал себя ложкой по голове. – Вот щи с кашей, к примеру! Для меня они и в Америке щами с кашей останутся. И ложку я также облизывать буду! Спрашивается, чем же тут хуже?

– Это совсем другое!

– А вот и не другое! Тебе плохо, и ты рассольчик наш русский пьешь. А в холодильнике у тебе торт недоеденный. То же, небось, из Америки. Чего ж ты им не лечишься?

Победно хмыкая, дед поднялся.

– Посуду – твоя очередь мыть. А я к корешам своим прогуляюсь. Может, «козла» забьем. Смотри, не забудь про посуду-то.

– Я и не ел ничего.

– Это, Валек, твои заботы. Я все честно сготовил. Полный столовый комплекс!

– Ладно, вымою...

Уже на пороге дед неожиданно обернулся.

– Помяни мое слово, Валь, конец близится. Полный. Потому как подмяли русского мужика. Безо всяких рогатин.

Тунгусский-то метеорит раньше, оказывается, Филимоновским звался.

– Да ну?

– Точно тебе говорю. В журнале сегодня прочитал. Спрашивается, чего ж теперь тунгусов-то приплели?

– Ну, и?

– Вот я и толкую: близок конец. Потому как заврались людишки. Уже до самого пика дошли...

На диване не лежалось, а дома не сиделось, и он выбрался на улицу. Скамейка, обычно занятая старушками, на этот раз пустовала. Плюхнувшись на протертые до древесных волокон доски, Валентин кинул в сторону двора тусклый взгляд... Вот здесь мы, значит, и живем. Все двести семьдесят миллионов. Живем и радуемся, потому что иного места и иной радости нам попросту не предложено. Среди сохнувшего белья, горбатых крыш, исписанных похабщиной стен. Хорошо, наверное, таким, как его дед. Умел ветеран смотреть на окружающее весело и философски. У Валентина так не получалось.

Где-то поблизости капризно завопил ребенок. Не заплакал, не зарыдал, а именно завопил. Женский голос принялся увещевать и уговаривать, но, словно подпитавшись материнской энергией, ребенок завопил громче. Эстафету под-

хватил еще один писклявый голосок. Валентин поморщился. Вот бы кого отшлепать! Вместе с непутевыми мамашами... Он покосился на свои ладони, невесело усмехнулся. Такими ручищами только детей и шлепать.

Заставив его вздрогнуть, к ногам подбежал странного вида зверек. Длинная густая шерсть, плоская мордашка и крохотные, как у таксы, лапы. Зверек с интересом принялся к кроссовкам, но кожаный поводок немедленно потянул его в сторону.

– Фу, Джек! Слышишь? Фу!

– Почему же «фу»? – буркнул Валентин. – Это «фу» мэйд, между прочим, ин Грэйт Бритн – и вполне возможно из кожи австралийских кенгуру – милых безобидных животных. Или песик не любит кенгуру?

– Еще чего, – хозяйка пса присела на дальний конец скамьи, решительно намотала поводок на руку. – Сидеть, Джек! Слышишь!

Джек с досадой посмотрел на человека, пытающегося им командовать, самовольно затрусил под скамейку исследовать тамошние тайны. Оттуда тотчас донеслось довольное сопение. Видимо, тайны того стоили.

– Хороший пес, – пробормотал Валентин. Повернув голову, взглянул на хозяйку. Соседка из его подъезда. То ли этажом выше, то ли наоборот ниже.

– Что за порода? Камчатский волкодав или потомок доблестного Аяврика?

– Всего-навсего мопс. Китайский гладкошерстный мопс, – молодая хозяйка со вздохом развернула пластик жевательной резинки, буднично сунула в рот.

Валентин припомнил, что раз или два что-то она у него спрашивала в последние дни – не то время, не то закурить. Тогда ему даже показалось, что девчужка строит ему глазки. Он и отбрил ее, кажется. Или не ее, а какую другую? Да нет, вроде ее, – та же блузка навывпуск, джинсы с демонстративным разрезом на колене, буйная копна волос. И на этой же самой скамейке она тогда сидела. Только не одна, а в компании горластых сверстников. И скорее всего без мопса. Мопса он бы запомнил. Песик ему сразу понравился. Пыхтящий, деловитый, самостоятельный! Самостоятельных псов Валентин уважал.

Болтая ногой в кеде, хозяйка мопса с задумчивым видом месила молодыми зубками импортный каучук, изредка и, верно, для порядка дергала поводок. Валентин прищурился. Отчего-то пришло на ум сопоставить ее годы и свои. Наверняка, какое-нибудь ПТУ или школа. Разница – в добрый десяток лет! Кошмар, если вдуматься! И при всем при том – сущий пустяк!.. Услышав очередной вздох, он поинтересовался:

– Неприятности?

– А-а... Ерунда! – она попробовала выдуть пузырь, но он лопнул, едва появившись.

– Ясно. Папа не дал на мороженое?

Собеседница фыркнула, не ответив.

– Может, мопс надоел? Китайский?.. Все-таки выгуливай, купай, расчесывай.

– Не-а!.. – она мотнула головой. – Мопс – теткин. А я с ним только сегодня. Да и спокойный он у меня. Хороший такой мужичок. Верно, Джек?

Мопс показался из-под скамьи, вопросительно глянул на хозяйку, потом на Валентина. Вид у него был, как у автомеханика, которого бестолковым вопросом выманили из-под машины. Умные большие глаза, выражение недоумения на китайской мордашке.

– Замечательный зверь! – с чувством произнес Валентин. Соседка удивленно шевельнула бровями, но промолчала.

– Десятый класс или девятый?

– Ясельки, господин министр, – глаза ее смешливо сверкнули. – Слышали про такое заведение?

– Как же. Сам там бывал. Даже закончил с отличием. Быстрее всех запеканку съедал. Медаль имеется.

Она прыснула и тут же прижала ладошку к губам, возвращая лицу серьезность.

– Давно это было?

– Прилично. Лет этак двадцать с хвостиком. С хорошеньким таким.

– Ого! Возраст почтенный.

– Я бы сказал – солидный.

– Понимаю. Радикулит, ревматические обострения?

– Ни боже мой! Напротив, – самый что ни на есть расцвет сил. Пик всех талантов.

Они враз рассмеялись. Над глупостями всегда смеются охотнее. Соседка оказалась из смешливых, и самое странное – это заражало. Неизвестно откуда возникло ощущение, что с ней можно говорить о чем угодно – о мопсах, о цирке, о полете американцев на Луну. Да и голос у нее был еще не испорчен, хотя что Валентин понимал под «испорченностью», вряд ли можно было так просто объяснить. Возможно, казенные интонации, блатную браваду, убогую односложность... Красиво говорящих людей – вообще немного. Их и в Красной-то книге не сыскать. Комментаторы и те – не говорят, а бормочут – вроде и внятно, но некрасиво. Роботы, не годящиеся в рассказчики.

– Так в чем там у нас дело? Я имею в виду неприятности? Какой-нибудь двоечник не оценил твоего носика?

Она машинально схватилась за нос, словно проверяя, все ли с ним в порядке. Блеснула прищуренным взглядом.

– Нравится?

– Ничего, – Валентин потрогал и свой нос, знакомо ощутив его чужеродность. Интересно, что бы сказала она, узнав, что раньше этот самый нос был несколько иной формы? Впрочем, ей-то до этого какое дело?

Валентин по-новому взглянул на соседку. Теперь она уже казалась ему интересной. Прежде всего – вирусом, что таилась в смешливых глазах. Словно от случайного ветерка, в тем-

ной глубине роговиц внезапно вспыхивал задорный огонек, и из каштановых глаза враз превращались в рыжевато-агатовые. Чудилось, что в любое мгновение хозяйка мопса готова рассмеяться. Такое иногда бывает. Есть люди хмурые, а есть веселые. Есть такие, из которых выжимаешь улыбку, разжигаешь, словно сырое полено, а есть, кого и разжигать не надо. И сразу стало понятно, отчего крутятся возле подъезда прыщавые молокососы. Девушка была обычной, да не совсем. Так же, как прочие, она выдувала из жевательной резинки гулкие пузыри, резала бритвой джинсы на коленках, изо всех сил изображала независимость – и все же в привычные рамки она вписывалась с трудом. Таилось в ней нечто свое, о чем, возможно, она и сама еще не догадывалась, но окружающие-то слепцами не были и потому тянулись к распускающемуся бутону, выстраивались в гомонящую очередь, прозорливо чуя присутствие нектара. Беда всех красивых женщин – выбирать среди первых. Но кто у нас эти первые? Хамовитые прощельги, бойкие лжецы да сластолюбцы... Может, зря он ее отбрил тогда?

Валентин продолжал разглядывать собеседницу. Буйные, напоминающую шевелюру Горгоны волосы, чистая кожа, глаза деревенской хохотушки. Впрочем, на селянку она совсем не походила. Смуглый овал лица, нос с горбинкой, подвижные губы, охотно подыгрывающие смешливой мимике, а в общем... Обычная симпатичная мордашка. Главным в ней была постоянная готовность смеяться – и не только го-

лосом, – глазами, ртом, ямочками на щеках, может быть, даже руками и ногами. А еще проглядывал в ней незабываемый ребенок – тот самый ясельно-песочный, способный задавать миллионы наивных вопросов и также наивно разрешать их. И кто сказал, что это минус? Может, даже совсем наоборот?

Наклонившись, Валентин заглянул под лавку. Вольготно разлегшись среди окурков, конфетных фантиков и пыли, китайский мопс благодушно прислушивался к разговору двуногих. Раскосые глаза его довольно жмурились, на морде была написана покровительственная лень.

– Слышь, Джек! Как думаешь, пойдет твоя воспитательница ко мне в гости?

Джеку не пришлось напрягаться. За него ответила «воспитательница».

– Ого! Меня приглашают?

– Вроде того.

– И что мы будем в твоих гостях делать?

– Ничего, – Валентин пожал плечами. – Тут скамейка и солнце, там диван с торшером. Вот и вся разница. Будем сидеть, чесать языками.

– Это ты называешь гостями?

– Увы, мороженого у меня нет, конфет тоже.

– Но что-то ведь есть?!

Валентин вспомнил о недоеденном торте, о сегодняшней авоське деда. Несколько воодушевившись, бегло принялся перечислять:

– Кефир есть, холодец, хлеб черный за восемнадцать копеек... Еще чай – грузинский напополам с турецким. Сорт такой... Кажется, осталась половинка торта с пивом.

– Какой торт? – деловито осведомилась она.

– Ну, во-первых, – позавчерашний, а во-вторых, если, конечно, не ошибаюсь, – безе. Так это вроде называется?

– Нормалек! – она энергично потерла ладони, в миг превратившись в маленькую сладкоежку. – Торт безе я люблю. И пиво, кстати, тоже!

– На пиво очень-то не рассчитывай. Напиток сугубо алкогольный, и угощать им детей...

– Спокойно, господин министр! – она остановила его движением ладони. – Паспорт имеется, детей здесь нет!

Смешливый огонек в ее глазах вновь заплясал, провоцируя на ответное веселье, заражая вирусом, о существовании которого часом раньше Валентин даже не подозревал.

– Тогда пошли, совершеннолетнее дитя.

– Ага! Только зверя своего домой доставлю. Нечего ему в гостях делать.

– Почему? Вполне воспитанный пес. Заберется под диван, будет философствовать.

– Обойдется! – движение могущественной ладошки повторилось. – Философствовать можно и дома.

– Кто посадил Мозыря на перо?! Люмик? Да это туфта голимая! – Сулик нервно хрустел пальцами. – На кой ляд ему это понадобилось?

Дрофа почтительно склонил голову.

– На бутылке его отпечатки пальцев. Уже проверено. Версия органов такова: они встретились, чтобы обсудить ситуацию, выпили...

– И с пьяных глаз подрались – как же!

– Менты так и решили. У них там, правда, нестыковка с анализами.

– Ну-ка, ну-ка! Что еще за нестыковка?

– Да странность одна. Люмик из бутылки пил точно, а вот Мозырь, похоже, нет. Но вникать в это все равно не будут. Дело, как пить дать, прикроют. Два трупа – один убийца, чего проще.

Сулик помотал головой.

– Следаки поганые! Ведь нитками белыми шито! Им-то, понятно, чихать, кто тут кого режет, рады, наверное... – он тяжело уставился на подчиненного. – Сам-то ты веришь, что Люмик, этот тихушник, грохнул своего помощника, а после застрелился?

– Люмик мог подозревать помощника, – осторожно предположил Дрофа. – А по запарке чего не сделаешь. Как ни крути, арестовали несколько вагонов. Люди нужные полетели. Вместо дешевой фурнитуры нашли водку и финскую обувь. Отвечал за все Мозырь.

– Но откуда они узнали про вагоны! Откуда?! – Сулик рубанул ребром ладони. – Ты говорил с Папиком?

– Вчера вечером. Мы даже наехали на него слегонца, для устрашения мальчика покалеченного продемонстрировали. Но Папик, похоже, не врет. Кто-то и впрямь капнул ему про левый товар Малютина.

– И тоже вагоны, – ты обратил внимание?

Дрофа кивнул.

– Китайские спортивные костюмы, аудио— и видеоаппаратура. Целых четыре неоформленных вагона. Малютин прокатил их по всей Польше и на таможне хорошо, видать, подмазал ребят, а здесь задержал из-за всей этой неразберихи. В общем, если бы Папик захотел, он бы увел это барахло без шума и пыли.

– Значит, следует его отблагодарить. – Сулик рухнул в кресло. – А с железной дорогой пора разбираться – и самым крутым образом. Ты слышал меня, Дрофа? Задействуй Яшиных ребят, кого угодно, но чтобы результат был! – Сулик грохнул кулаком по столу. – Кто-то в непонятное нас втаптывает. соображаешь? И стучит, падла, на сторону. Выясни – кто!

– Я уже намекнул нашему офицеру. Он вроде из самостоятельных, обещал разузнать.

– Долго копается!

– Зато надежно. Оно и понятно, он не транспортник, к ОБХСС отношения не имеет, а светиться ему нет резона.

Тем более, что вся эта железнодорожная круговерть – на контроле областного начальства. Но думаю, в течение недели ответ мы получим.

– Ладно, – Сулик мрачно огладил на голове жиденькие волосы. – Подождем...

Утренний телефонный звонок по-прежнему не выходил у него из головы. Мелочь, а завела капитально. Знать бы, кто осмелился на такое! Попролам бы порвал!.. Он хмуро взглянул на Дрофу.

– Теперь у нас Алоис там заправляет, понимаешь?

Дрофа, мелколицый и вдумчивый человек, рассеянно потер челюсть.

– Слышал. Но вы ведь сами так решили.

– Решили, верно. Потому что вариантов иных не было.

– Что-то мне подсказывает, что долго он на этом месте не задержится.

Сулик криво улыбнулся.

– Верно подсказывалка твоя работает! Этот тип широко шагает. Так и штаны порвать недолго.

– Так, может, он и подставил Люмика?

Улыбка Сулика стала жесткой.

– А вот это я и хочу от тебя услышать.

– Я понял.

– И еще... Кто-то у ребят тянет машины. Вчера со стоянки ушло «Вольво». Машина из моего автопарка, понимаешь?

– Я уже занимаюсь этим вопросом.

– Не заниматься надо, а землю рыть! Всеми четырьмя копытами! Ты в курсе, что этот ублюдок звонил мне?

– Вы говорили, шеф. Не беспокойтесь, накроем этого ворона. Сам нарвется рано или поздно.

– Есть какие-нибудь наметки?

– Появятся. Думаю, очень скоро.

– Смотри... Если что, подключу Ароньча.

– Не надо. Попробую обойтись своими силами.

Крупный мужчина в черной ковбойской шляпе щелчком отключил приемник. Того, что он услышал, было вполне достаточно, чтобы отрезать ему уши, а оставшееся насадить на вертел и подвесить над жарким костром. Грузно поднявшись, он приблизился к двери и выглянул наружу. Вернувшись к приемнику, некоторое время хмуро его разглядывал. Сумрачно скрутив из газеты кулечек, сплюнул в бумажную глубь и скомкал в кулаке. Глаза с расширенными зрачками продолжали взирать на старенький аппаратик. Заслышав шаги в коридоре, мужчина торопливым движением спрятал приемник в тумбочку.

– Ну, Валек! Ну, Кулибин хренов... – Он матерно выругался. – Поговорим мы с тобой!..

Однако в каморку никто не заглянул, люди прошли мимо. Вновь опустившись в кресло, мужчина выдвинул столешни-

цу, из потрепанной книги вытащил таблеточную упаковку. Услышанное следовало запить и заесть. Бросив в рот пару таблеток, мужчина жадно глотнул из бутылки. Коньяк прокатился, как вода, и лишь в желудке, спустя минуту, стал обращаться в животворное солнечное тепло. Предвкушая забвение, мужчина скупно улыбнулся. Солнечное сплетение оттого и зовется солнечным. Именно там после приема волшебной химии, пульсируя, всходило его внутреннее солнце, зарождалась жизнь – жизнь, которую вне тела он уже не видел и не воспринимал.

Поднимаясь по лестнице, она успела узнать его имя, в свою очередь доходчиво объяснив, что зовут ее Виктория и что пиво, если не «Светлое» и не разбавленное, она вполне уважает, что торты «безе» и «птичье молоко» – лучшие в мире и что самое главное – это не попасться на глаза соседским бабулям, которые немедленно наябедничают родителям, хотя на этой неделе последних можно не опасаться по причине пребывания на далекой фазенде, которую дачей не назовешь, но где имеется вполне замечательная банька и протекает не загаженная вконец речушка «вот с такими вот полосатыми рыбками». Слушая все эти подробности, мопс в ее руках жалобно потягивал. Он словно предчувствовал, какой лучшей в мире сладости его намереваются лишить.

Отворив дверь квартиры, Валентин дождался, когда Виктория освободится от четвероногого друга и спустится вниз. А затем произошло невероятное. Он и глазом не успел моргнуть, как короткий коридорчик с двумя комнатами оказался исследованным юной гостьей вдоль и поперек. Виктория перемещалась стремительно, не упуская из виду ни единой мелочи.

– Класс! – оценила она. – И люстра обломная, и торшер! Ковер у вас клевый – йогой заниматься. Не отказалась бы от такой квартирки.

– Я тоже, – пробормотал он. – Хотя замечу, что для дискотек здесь все-таки тесновато.

– Нормалек! – она решительно сдвинула брови. – Стол сдвигаем к окну, кресла – к стене, и порядок, господин министр!

Округлив щеки, Виктория выдула развеселый резиновый пузырь и розовым язычком переправила обратно в рот. Валентин вздохнул.

– Между нами говоря, господин министр уважает хорошие манеры.

– Нет проблем, – она выплюнула в ладонь белый комочек и прилепила к ручке кресла. – Чего еще желает господин министр?

– Ничего, – Валентин присел на диван, потер нос. Смотреть на нее было горько и приятно. В сущности, не случись Валентину маяться от похмелья, верно, не задержался бы он

рядом с ней ни на минуту. Кто знает, возможно, так оно было бы лучше и правильнее. А теперь вот надо сидеть, вспоминать и вздыхать о безвозвратно погубленной молодости...

Крутанувшись посреди комнаты, Виктория изумленно уставилась на него.

– Что-то я не понимаю, кто кого пригласил в гости?

– А в чем дело? – вежливо поинтересовался Валентин.

– Вот тебе на! А торт с чаем? А холодец?

– Нормалек! – успокоил ее Валентин. – Торт в холодильнике, заварка в буфете. В крайнем случае звоните по ноль четыре. Служба газовой сети тотчас прибудет.

– Ага... – она озадаченно замолчала. – Видела я в жизни гостеприимных хозяев, но чтобы такого!

– Сам знаю, что плохой, глупый, невежливый, но что теперь сделаешь? – он пожал плечами. Не объяснять же ей про похмелье и прочие сопутствующие радости.

– Ладно! – лицо ее приняло плутоватое выражение. Она выбежала в коридор, но тут же вернулась. – Может, что-нибудь включим? Хотя бы телевизор?

– Нет уж. Давай обойдемся без лишних звуков.

– Будем сидеть и наслаждаться тишиной?

– Зачем? Будем трескать торт, и ты расскажешь мне о своих школьных подружках, о том, что у тебя творится в дневнике и наконец...

Но ее уже не было. С удивлением Валентин прислушался к близкому позвякиванию посуды. Бойкий человек осва-

ивается быстро и всюду. Даже на чужой кухне... По обыкновению он потер нос, решив, что угнаться за ней – не самое простое дело. Или действительно – возраст? К старости люди становятся тугодумами, а стареть они начинают рано. С первых лет жизни. Кроме того он в самом деле отвык от живой непосредственности. Даже Юрий, балаболка и хохмач, – и тот был только актером. Актером категорийным, однако не более того. В их годы не прыскают смехом на каждой фразе. Просто уже не смешно. Что-то с чувством юмора происходит, а может быть, и с самими фразами. Таково веление времени, и лица после тридцати необратимо деревенеют. Все, на что они способны, это две-три скучноватые маски, в которые они и сами-то не очень верят.

Виктория вошла в комнату семенящим шагом ребенка, с опаской взирая на перегруженный поднос. Она умудрилась взгромоздить на него все, что обнаружила на кухне. Все, кроме кефира и черного хлеба. Подобная разборчивость наверняка возмутила бы деда. И кефир, и «черняшку» он ставил превыше всего. У Виктории, как видно, были иные приоритеты.

– Однако, бардачок у вас, господин министр! В прихожей на полу кепка, в раковине тарелки невымытые, ножи, ложки.

– Я называю это мужским уютом, – возразил Валентин.

– Хорошенький уют! Пыль да тараканы, – она поставила поднос на журнальный столик. Не глядя на него, кротко спросила: – И что теперь? Будем трескаться?

Ему показалось, что она вот-вот рассмеется. Валентин невольно улыбнулся. Это и впрямь заражало. А он-то полагал, что давным-давно обзавелся иммунитетом против веселья. Выходит, нет. Чертова смешинка прокралась и в него. Виктория подняла голову, и Валентин разглядел, что глаза у нее рыжеватые. Оттого, верно, и рождалась иллюзия огня. Впрочем, почему иллюзия? Что-то в глубине этих глаз действительно тлело и разгоралось. Какие-то неясные всполохи, брызги крохотных бенгальских свечей и что-то там еще. Чертики, что прикуривали и прикуривали от спичек. Подобные глаза – подарок судьбы. Может, на сотню один раз и встретишь.

– Разумеется, будем! И трескать, и шамать – и все остальное. Тем более, что подобного я сам не ожидал, – он кивнул на поднос. – Скажи на милость, где ты отыскала колбасу? Распотрошила какой-нибудь дедовский тайник?

– Ничего не знаю ни про какие тайники, – скороговоркой выпалила она. – Знаю только, что пиво тортом не закусывают.

– Э-э, нет! Так у нас не пойдет. Про пиво я сразу сказал: напиток алкогольный, не для детей! – Валентин потянулся к подносу и тотчас получил шлепок по руке.

– Это ведь «Жигулевское», мое любимое! – соседка плаксиво скривила губы. – Я обязательно должна его попробовать.

В течение следующих минут Валентину пришлось убе-

диться, что в пиве она и впрямь разбирается. Как, впрочем, и в тортах с конфетами, в женских прическах, импортных шампунях и многом-многом другом.

Развалившись на диване, они похрустывали рассыпающимися кусочками торта, прихлебывали остывающий чай. Необходимости в телевизоре не возникло. Опустошая поднос, Виктория успевала тараторить и за телевизор, и за радио одновременно, вещая о своих любимых книжках, о кино, о Маликове и мальчиках из «Ласкового мая», о душечке-Михалкове и десятках прочих вещей. К моменту, когда они насытились, Валентин знал о ней практически все. Похлопав себя по животу, он удовлетворенно констатировал:

– На пиво нас, пожалуй, уже не хватит.

– Еще чего! – она хищным движением схватила бутылку.

– До чего прожорливая девчонка!

– И вовсе нет! Я ведь еще расту. И потом смотри, какие у меня волосы! Знаешь, сколько калорий на них уходит! – Пластмассовые заколки очутились у нее в руке. Она энергично мотнула головой, разбросав по плечам густую выющую гриву. – Видал-миндал?

– Видал...

– То-то! Знал бы ты, как я с ними мучусь. Мыть приходится чуть ли не каждый день! Бутыль шампуня в неделю!

– Зачем же так часто?

Виктория удивилась.

– Ты хочешь, чтобы они были сальными и грязными?

– Да нет, но если это стоит таких мук... – он шевельнул пальцами, имитируя движение ножниц.

– Остричь? Ну нет! Пусть уж будут при мне. Как-никак – главное богатство, – она вновь крутанула головой, отчего волосы опутали ее непроницаемой золотистой пеленой.

– Еще чуток длины, – пробормотал Валентин, – и твоими волосами запросто можно будет душить мужчин.

Виктория довольно усмехнулась. Запрокинув голову назад, вновь заколола волосы.

– Надо будет попробовать.

– Да нет, я пошутил.

– Слушай! – она встрепенулась. – А давай погоняем на твоей машине!

– Моей? Разве у меня есть машина?

– Конечно, есть. Я видела! Вчера вечером, ты на какой-то иномарке приехал. Я только-только вышла погулять с мопсом.

Валентину пришлось признать, что Виктория застала его врасплох. Юная соседка оказалась приметливой.

– Увы, машина чужая. Приятель попросил перегнать на автостоянку. Пришлось помочь.

– Ну и что? Подумаешь, приятель! Он же ничего не узнает. Мы покатаемся и поставим обратно...

В прихожей пронзительно зазвенел телефон.

– Кто бы это мог быть? – Виктория заерзала на диване. Ей было любопытно.

– А это мы сейчас выясним, – Валентин напряженно улыбнулся. – Сделай одолжение, возьми трубку и постарайся узнать, кто звонит. Если что, скажи, что меня нет.

– Ага, значит, я уже и секретарша?

– Посуду вымою сам, честное слово.

– Договорились, – Виктория отправилась в прихожую. Откинувшись на спинку дивана, Валентин прикрыл глаза. Долетевший до него голос соседки звучал вполне уверенно. Виктория не терялась и здесь.

– ..А его нет. Полчаса, как ушел... Ну да, прокатиться на машине. Он тут купил на днях... Да, конечно, у него все нормалек... Я? Я его секретарь-референт...

Секретарь, да еще референт!.. Хмыкнув, Валентин отрезал себе еще кусок торта, принялся меланхолично жевать. Вся его бодрость враз улетучилась. Звонок неизвестного, напоминание о машине... Бог его знает, как быстро все меняется. Только что было весело – и вот уже нет.

Скрипнула дверь, Виктория вернулась в комнату, со вздохом опустилась на диван.

– Уф! Давно так не ела. А голосок у него ничего. Как это самое. Ие... иерехон. Правильно сказала?

– Наверное. Он назвал себя.

– Какой-то Шура. По-моему, малость под шафе.

– Ах, вон кто, – Валентин перевел дух, вспомнив о вчерашнем сержанте. От сердца отлегло. Вот только про телефон, к собственному стыду, он ничего не помнил. Неужели

выболтал спьяну?

– Про машину зачем сочинила?

– Ну... Чтобы завидно было. Он ведь там, а я-то здесь.

– Болтуша, – Валентин продолжал жевать, не замечая ни вкуса, ни того, что сахарные крошки сыплются на пол и на колени.

– Хотела ему еще про торт сказать да чего-то постеснялась.

– Постеснялась? Ты?

– Конечно! Я что, не человек, что ли?

– Ты человек. Ты очень даже интересный человек... – Валентин вытер ладонью губы, взглянул на часы. – Прошу прощения, интересный человек, но если мы поели, то по-моему, тебе пора.

Глаза Виктории, два хитрющих фонарика, негодуя сверкнули ему в лицо.

– А вот и нет! Это по-твоему!

– Да нет, подружка, – Валентин поднялся, – тебе определенно пора. Папа, мама, бабушки, мопс.

– Ты что, обиделся? – она нехотя поднялась. – Сам же сказал, что тебя нет.

– Не в этом дело. Просто вспомнил об одном дельце.

– Ага, как же! Дельце...

Чуть упираясь, Виктория все же позволила себя выпроводить в прихожую.

– Спасибо за компанию и счастливо! – он отворил дверь

и, развернув девушку, деликатно вытеснил на лестничную площадку. – Действительно, было приятно тобой посидеть... Ну, и передавай привет подружкам!

– Соскучишься, забегай! – отреагировала она. – Я не злопамятная. Или звони.

– Ага, – он сделал попытку закрыть дверь.

– Что «ага»? Ты ни телефона, ни квартиры не знаешь! Записывай!.. Квартира шестьдесят пять, телефон... – она скороговоркой выпалила номер. – Ну? Где твой блокнот? Или запомнил?

– Нет, – Валентин слегка разозлился. – Все, пока!

С обидой за хозяина дверь возмущенно щелкнула замком, и тут же Виктория заполошно заверещала:

– Ой, палец, палец!..

Валентин испуганно рванул дверь на себя и увидел сияющее лицо гостьи.

– Здорово я тебя? – она продемонстрировала ему ладони. – А пальчики-то вот они – все на месте! Красивые да румяные!

Валентину пришлось улыбнуться.

– Ладно, телефон я запомнил, как-нибудь позвоню.

– То-то же! – она изобразила на лице свирепость и показала ему кулак. – Пока!

– Бывай, – он повторно и крайне осторожно прикрыл дверь. Отступив на шаг, прислушался. И не зря. В замочную скважину замогильным голосом забубнили:

– И не забудь в следующий раз про торт. Чтоб снова «Бе-
зе» или «Птичье молоко»!..

Глава 5

Кое-что Виктория ему все же подсказала. Менее чем через час он уже подъезжал на бежевом «Вольво» к заднему двору исполкома. У решетчатых ворот взрыкивала чья-то «Волга, и ему пришлось немного подождать. Кучерявый водитель о чем-то сердито переговаривался с охранником. Нервничая, страж высунулся из своей будки чуть ли не по пояс. Казалось, еще немного, и он кувыркнется через низенькие перильца вниз, на исчерченный шинами асфальт.

Двое ребяташек неспешно приблизились к «Вольво». Валентин скосил глаза в зеркальце заднего обзора. Опустившись на корточки, юные любители выхлопных газов внимательно изучали оранжевые мигалки. Поднявшись, один из них пнул кедиком по скату и загадочно произнес:

– Волга-Волга, жди меня долго.

Малолетний приятель тут же откликнулся.

– Камаз-камаз, жди меня один час.

Сказано это было с задумчивой серьезностью, чуть ли не торжественно. Дети разглядывали машину с такими лицами, как если бы перед ними рухнул с небес диковинный механизм. Упрямый кедик еще раз ударил по рифленому скату.

– Нива-нива, ездит криво.

И дружеское эхо тут же отозвалось.

– Москвич-москвич, заедешь под кирпич...

Кашлянув дымом, «Волга» урчащей черной рыбиной отплыла от ворот. Попрощавшись мысленно с автолюбителями-рифмоплетами, Валентин тронул машину вперед. Охранник неторопливо обернулся. Скуластое нерусское лицо, медный загар. Валентин уже встречал этого человека. По короткому кивку понял, что и его узнали. Миновав ворота, «Вольво» оказалось в ухоженной заводи, заполненной благоуханием сирени и гляncем выстроившихся машин. Валентин скромно пристроился к шеренге «Тойот», «Саабов» и «Ниссанов», заглушив мотор, выбрался наружу. Обычно он приезжал сюда вечерами, и здание, опоясанное фигурными башнями, увенчанное стремительным шпилем, казалось ему мрачной готической тенью. Сейчас же в свете полуденного солнца, оно выглядело совершенно иначе. Свежепобеленное, украшенное барабанно-знаменным барельефом, оно походило на Дворец пионеров. Молодцеватый улыбочивый оскал архитектуры, славно-могуче-унылое прошлое...

Вволю налюбовавшись зданием, Валентин вернулся к воротам, на ходу бросил охраннику ключи от машины. Тот небрежно поймал звякнувшую связку, равнодушно поинтересовался:

– Все в порядке? – глаза его, два мокрых холодных камешка, глянули тускло и неопределенно.

– Более или менее, – Валентин поправил на плече сумку и вышел на улицу. Ртутные столбики городских термометров неукротимо ползли вверх, обувь липла к разогретому тро-

туару. Валентин часто утирал лоб платком. Вчерашняя гулянка не прошла бесследно.

Только в третьей кабинке телефон оказался исправным. Скормив автомату двушку, Валентин набрал номер. Трубку подняли после пятого гудка. Подняли молча, без привычного «але» или «слушаю вас».

– Музей искусств?

Глуховатый голос радушно ответил.

– Он самый, дорогой. По какому вопросу звонишь?

– Вопросы старые. Продавец-товар-покупатель, слышал о такой формуле? Говорят, в Европе придумали.

– Не понимаю, дорогой. О чем ты?

– Хватит, Наиль. Я хочу знать, сколько дашь на этот раз?

Голос не ответил.

– Тебя что, не предупредили еще? Странно... Обычно ты узнаешь о товаре первым, – Валентин почувствовал, что правая щека у него задергалась. Он нервно погладил ее ладонью. – Не тяни резину, Наиль. Я жду обещанного подарка.

– Но мы просили «Волгу», дорогой.

– Неужели «Вольво» хуже?

– Очень большой человек спрашивал про похожую машину. Опасный товар. Громкий.

– Не хочешь, могу себе забрать, – Валентин поглядел в грязное стекло кабинки и с отвращением убедился, что щека в самом деле дергается. – Ну так как, Наиль? Или испугался большого человека?

– Не спеши, – абонент что-то прикидывал про себя. А возможно, просто выдерживал паузу. – Пятнадцать – цифра вроде неплохая?

– Мне она не нравится – это во-первых. А во-вторых, это не цифра, а число, – Валентин ощутил внезапное желание зевнуть. Что-то из той же породы, что и нервный тик. Еще раз с силой провел по щеке ладонью. – тридцать за «Волгу», двадцать за все прочее. Это твои слова.

Трубка вновь примолкла.

– Ты плохой продавец, Валя. Не любишь торговаться, – в голосе покупателя звучало осуждение.

– Послушай, Наиль. Машина в первоклассном состоянии. На юге за нее дом целый можно купить.

– Не забывай, ее будут искать.

– Можно подумать, это единственное на весь союз «Вольво».

– Хорошо, я беру машину. Пусть будет двадцать, – собеседник произнес это без энтузиазма. – И все-таки ты плохой продавец.

– Знаю, – Валентин потер нос. Рожденный не на Востоке торговать не может.

– Ты сам придумал?

– Сам, Наиль, конечно сам. И еще один попутный вопрос: ты имел дела с Люмиком?

Валентин стиснул пальцами трубку. Он бы не удивился, если бы связь прервалась, но Наиль отреагировал иначе.

– Откуда звонишь?

– Не волнуйся, это телефон-автомат,

– Почему спрашиваешь о Люмике?

– Чистое любопытство.

– Плохое любопытство... Очень плохое. Ты понял, что я имею в виду?

– Честно говоря, не очень.

– Не играй с огнем, дорогой. И не спрашивай о тех, кого уже больше нет. Это мой тебе хороший совет.

– Ты что-то знаешь о нем?

– Ничего не знаю. Совсем ничего. У него свое дело, у меня свое. Зачем тебе Люмик? Разве я забываю о подарках? Ты не знаешь, кто он такой, я не знаю, – что тут плохого?

– Кажется, начинаю понимать.

– Вот видишь, дорогой! Так всегда бывает: начинаешь думать, начинаешь понимать. Тоже формула – и тоже мудрая!

– Спасибо, Наиль. Я тебя понял.

– Мне спасибо – тебе спасибо. А подарок я сегодня же пришлю. В то же самое место. Договорились?

– Договорились, – Валентин повесил трубку и вышел из кабинки. Гадая, на чем сегодня придется ехать, зашагал вверх по улице в сторону кольца. Мысленно назвал троллейбус и не угадал. Первым, громыхая рельсовыми октавами, к остановке подкатил трамвай. Чертыхнувшись, Валентин вскочил на подножку.

Свои «пентагоны» имеются везде, и никто не объяснит вам, за что припечатывают подобное клеймо тому или иному сооружению. Во всяком случае ничем выдающимся, кроме размеров и удивительного отсутствия пропорций, спорткомплекс «Энергия» не отличался. Серое нагромождение кубов с крышами, залитыми битумом, с обилием окон, широких и узких, местами напоминающих монастырские бойницы. С одной стороны к спорткомплексу примыкал стадион с площадками для волейбольных секций и беговыми дорожками, с другой тянулась неровная цепочка складских помещений, крытых брезентом автостоянок. Плетеный из проволоки ячеистый забор надежно охранял коротенькое слово «спорт» от окружающего мира. За входящими и выходящими с территории комплекса оловянными глазами следил угрюмый вохровец.

Приближаясь к главному корпусу, Валентин отметил про себя, что занятия давно начались. Секции, летние лагеря и личный состав «пентагона» носились по беговым дорожкам, прыгали в длину и высоту, стреляли по мишеням из духовушек и луков, гремели тренажерами. Как известно, день – время тренировок, ночь – время заработка. Здесь по крайней мере дела обстояли именно так.

Очутившись в вестибюле, он облегченно перевел дух. Жары и лета в этом месте не существовало. Три или четыре

кондиционера исправно наполняли помещение прохладным воздухом и размеренным гудением. Валентин двинулся было дальше, но сидящий за столом коротышка со значением кашлянул. Палец его изобразил в воздухе некое подобие прямоугольника. Валентин полез в карман за документами. Охранник был из новеньких и в лицо его еще не знал. Молодой, коротко стриженный, с торсом борца и ногами штангиста-тяжеловеса, он чувствовал себя не слишком уверенно на этом месте и, приняв от Валентина пропуск, взялся за дело с медлительной сосредоточенностью. Тщательно сличил фотографию с оригиналом, с мучительным выражением на лице взгляделся в буковки на фиолетовой печати.

– Милый мой! – взмолился Валентин. – Здесь же не по-английски написано! Не по-китайски! Ты в школе-то учился?

Коротышка незлобиво посмотрел на него, кинул пропуск на стол.

– Топай.

– Вот спасибоочки! – Валентин спрятал пропуск. – Прямо затюкал вас Дрофа, ей Богу!

Взлетев на пару этажей, он промчался ветвистым коридором, сокращая путь, заглянул в атлетический зал.

Здесь уже всюду гроыхало железо, потя и охая, тузили по мешкам, «гнули» на матах шпагаты. На расположенном в середине зала двойном ринге петушками подскакивали обряженные в трусы-шаровары раскрасневшиеся парнишки. Еще совсем юные и, тем не менее, непоправимо повзрослев-

шие. Жизнь еще не отняла у них мальчишечьих лиц, но уже наделила недетскими мышцами. В движениях рук, спины, в скользящем угрожающем шаге угадывался опыт мастеров.

Кто-то ткнул Валентина в плечо. Обернувшись, он увидел Сазика. Конечно! Кто же еще!.. Не проходило и недели, чтобы Сазик не уговаривал его на полновесный трехминутный спарринг. Вечно улыбающийся, подвижный, Сазик принадлежал к породе живчиков, в любую минуту готовых сорваться с места, ринуться в самое сумасшедшее предприятие. Он и сейчас нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ноздри его широкого приплюснутого носа возбужденно подрагивали.

– Перепихнемся? – он весело стукнул перчаткой о перчатку. – Или слабо?

– С Яшей перепихивайся, – на всякий случай Валентин поправил на плече сумку. – Чапа сюда не забегал?

– А что ему здесь делать? Как всегда на месте. Или дрыхнет где-нибудь в уборной. Дождется, что выгонят в три шеи, – Сазик сделал выпад, но Валентин отбил перчатку ладонью.

– Что? Кто-то об этом уже говорил?

– Слушай, старик, я не отдел кадров и в эти дела не лезу, – Сазик изобразил серию ударов снизу и сбоку. – И, честно говоря, на Чапу твоего мне чихать.

– Зато мне не чихать, – Валентин отвернулся.

– Эй! Так как насчет пары раундов?

– Считай, что договорились.

Спустившись по винтовой лестнице, он задержался, осматривая коридор. Крадучись приблизился к двери кладовой, приоткрыл ее на ширину ладони. В нос ударил запах тряпок и размокшего дерева – тусклое царство кастаньянш и уборщиц.

– Гоша, ты здесь?

Из темноты не донеслось ни звука. Еще раз осмотрев коридор, Валентин аккуратно прикрыл дверь. А через пару минут он уже входил в комнату сторожей.

На широком потускневшем столе валялась знакомая широкополая шляпа – отзвук ковбойской молодости Чапы. Сам Чеплугин сидел в кресле и остекляневшими глазами смотрел прямо перед собой. Как выглядит роскошная медвежья шуба, изъеденная молью, так приблизительно выглядел и этот подточенный многочисленными страстями великан. Скинув сумку, Валентин присел напротив сторожа, осторожно коснулся огромной безжизненной кисти. Взор Чапы ожил, медленно обратился к вошедшему.

– Узнал меня? – спросил Валентин.

Чапа открыл рот, хрипло простонал.

– Какого черта?.. Гады вы подколодные! Неужели нельзя найти кого-нибудь другого?!

– Так ты узнал меня?

– А чего тебя узнавать. Ты не генсек и не Сулик, – Чеплугин повернулся сначала в одну, потом в другую сторону.

– Что потерял? Случайно не это? – Валентин подцепил

с пола клочок таблеточной упаковки. – Санапакс? Опять за свое?

– А кому какое дело? Ты же не побежишь закладывать коллегу?

– Уже побежал, – Валентин скомкал остатки упаковки, швырнул в корзину для мусора. – Если уж Сазик об этом знает, стало быть, знают все. Помяни мое слово, за эту самую наркоту тебя и выпрут.

– Да плевать, – Чапа перегнулся через ручку кресла и действительно плюнул в сторону корзины. – Может, я сам хочу, чтобы меня выперли.

– Действительно этого хочешь?

– А почему нет? – Чапа хрипло закудахтал, что означало у него приступ смеха. – Выйду на пенсию, буду рыбачить, заведу кур, свиней.

– По-моему, ты их уже завел, – поднявшись, Валентин приблизился к окну, распахнул створки. Обернувшись, пояснил: – Ароматы, во всяком случае, как в хлеву, это точно.

Засопев, Чапа выставил на стол бутылку недопитого коньяка и грязный с пожелтевшими стенками стакан.

– Еще ты мне будешь это говорить!

– А что? Кто-то еще говорил? – Валентин скрестил на груди руки. – Так, может, мы правы, Чапа? Может, стоит прислушаться? Извини, но от тебя пахнет невымытыми женщинами...

Желтый стакан, как из пращи, вылетел из руки сторожа,

ударившись в стену справа от Валентина. Лицо Чапы побагровело.

– Ладно, не пыхти – не паровоз, – Валентин усмехнулся. – Допивай свой коньяк, а то, вижу, ты и впрямь не в себе. С двух шагов промазать в человека стаканом!

Чапа послушно припал к бутылке. Было слышно, как с бульканьем жидкость перетекает из посуды в человеческое чрево. Капельки пота, двинувшись от виска пьющего, медленно поползли к небритому подбородку. Черные спутанные волосы, сосульками свисающие до плеч, обрюзгшее лицо шестидесятилетнего пропойцы. Но до шестидесяти Чапе было еще далеко. Насколько Валентин помнил, сторожу спорткомплекса едва перевалило за сорок.

– Кстати, о немых женщинах, – Чапа перевел дух и с недоумением воззрелся на опустевшую бутылку. – Вчера их сюда навели не меньше роты. Наверное, согнали из подшефных гостиниц. Такой табор устроили! До семи утра кочевражились, так что санапакс мне пришелся в самый раз.

– Надеюсь, в оргиях ты не принимал участия?

– Что я – вольтанутый? Этих болячек мне больше не надо, – Чапа передернул плечами. – Но одним глазком взглянул, само собой. Из интереса. Все наши шмурики и кодланы там были – Степчик, Сулик, эта обезьяна Мартыныч... Кто в трусах, кто в галстук, кто нагишом... Это у них юмор такой, значит, – нацепить на шею бабочку и разгуливать без штанов. Жирные, как боровы, и по десятку девиц на каждо-

го. Зойка там тоже задом вертела. Про тебя между прочим выпрашивала.

– С чего бы?

– Известно, с чего. Ты у нас здесь один, считай, ее не трахал. А это уже, сам понимаешь, запахло. Обидно дамочке.

– Переживет.

– А вот это ты зря. Девочка яркая, с характером. Может и нагадить...

– Да пусть, переживу как-нибудь.

– Про «как-нибудь» многие мечтают... Не-ет, я бы на твоём месте не терялся, – Чапа хмыкнул. – Конечно, клейкая она, как осьминог. И ненасытная. С такими осторожнее надо. Душу высосет и не только. Кстати, шепнула мне, что Колета загребли. Этот идиот по пьяне пару машин колупнул. Так что теперь ты здесь надолго.

– Надолго – так надолго, – Валентин кивнул на стену с коньячным пятном. – Не забудь осколки прибрать.

Чапа шумно вздохнул. Все равно, как кит или мамонт. За один присест он, должно быть, вдыхал и выдыхал литров по восемь воздуха.

– Сам виноват. Я тебя предупреждал: не доводи до греха.

– Велика барыня, – Валентин потер нос, с упреком покосился на пальцы. Видимо, от этой привычки уже не избавиться. – Кстати, мне не звонили?

Рыхлый изъязвленный подбородок сторожа дрогнул. Валентин приготовился услышать знакомое кудахтанье,

но вместо этого Чапа раскашлялся. Кое-как справившись с перханьем в груди, прохрипел:

– Скажи прямо: мол, интересуется Алоис. Так вот, никто тебе не звонил и звонить не будет. Прими мой совет, Валек, отдавай швартовы и отваливай от этого скопидома. Тут одно к одному. И начальство к тебе присматривается, и Колет загремел, и всякое разное. Короче, соображай.

Валентин улыбнулся.

– Что-то мне все сегодня советы дают. Только никто не объясняет, почему я должен рвать с Алоисом.

– А тут и объяснять нечего. Навар невелик, а риска – по самый кадык. Так что меняй «крышу», пока не поздно. Алоис думает, что он локомотив, только я-то знаю, что это не так. Между нами, он и на дрезину не тянет.

– Тебе-то лично чем он не угодил?

– А чем он мне угодил? – Чеплугин стал тяжело подниматься. Огромное, обтянутое черным свитером тело росло и росло. Он был выше Валентина на целую голову. Без двух сантиметров Примо Карнера. Самый высокий человек на стадионе. Когда-то – и самый сильный.

– Я ведь редко кому намекаю, ты меня знаешь, – Чапа оперся о стол бревноподобными ручищами, и стол под ним жалобно скрипнул. – Но тебе, дураку молодому, даю бесплатный совет. Потому как догадываюсь, к чему все идет. И не идет даже, а катится. Твой Алоис стал поперек горла нашим шмурикам. К майданному делу подкрался, торговлиш-

ку прибирает к рукам, а на общак кидает мелочевку – только чтоб отмазаться. Он-то думает, что всех обводит вокруг пальца, а на самом деле это его тут приговорили. Выждут удобный момент – и кончат.

– Откуда знаешь? Про приговор и майданные дела?

– Слухами земля полнится... Да вот еще слышал мимоходом: кто-то сдал Папику четыре вагона с китайской фарцой.

А Папик – кент Малютина.

– И что?

– А то, что вагоны те – тоже принадлежат Малютину. Интересный оборот, правда?

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Затем, что жареным пахнет, Валя.

– А может, тебе это приснилось? Про вагоны, про фарцу и прочие страхи?

– Ты ведь знаешь, я не мастак фантазировать. Умел бы сочинять, давно катал бы книжки. Про коньков-горбунков и дурачков вроде тебя. Так что можешь мне поверить, с Алоисом, считай, кончено. – Чапа шумно вздохнул. – И соображай... Пока ты еще в штате Сулика, но если не отколешься от Алоиса – со стадиона тебя попросят. Найдут кого-нибудь вместо Колета и попросят.

– Чего ж раньше не попросили?

– Спроси, если интересно. Только не у меня, а у Дрофы. Может, сыграть с Алоисом хотели. В подкидного.

– Ага, через меня.

– Почему нет? Короче, я сказал, тебе думать. Сторож стадиона – это и деньги, и крыша.

– Алоис мне тоже платит. И кстати, это ведь он устроил меня сюда.

– Значит, тоже имел на тебя виды. Но это их политика, Валя. Их, а не твоя. Тебе в эту мокротень лучше не соваться. Целее будешь.

– Это как сказать... Возможно твои шмурики и списали Алоиса, но я-то его через день вижу. И на ребяток его люблюсь. Бригада там – будь здоров! И гестапо свое имеется. Любого прижмут в случае чего.

– Ловчишь, Валек. Ох, ловчишь! – Чапа покачал головой. – Только на двух стульях не усидеть. Выбирай, пока за тебя не выбрали. Либо Сулик, либо Алоис.

– Советуешь переметнуться?

– Все правильно, сынок. Мы с тобой люди маленькие – те самые, о которых ноги вытирают. Так что не строй из себя девочку. Ты не Труфальдино, чтобы подмахивать двум хозяевам... – Чапа настороженно повернулся. Через раскрытое окно долетело далекое треньканье трамвая. – В общем, я сказал, ты услышал. Дальше решай сам.

– Спасибо, – кротко поблагодарил Валентин. – Я подумаю.

– Думай, думай, – Чапа криво ухмыльнулся. – Только недолго.

– Кстати, – Валентин взглянул на часы, – можешь отправляться домой. Твоя смена уж два часа, как закончилась. А я

пока пройдуь по территории.

Уже в дверях Валентин обернулся.

– Гоша не заглядывал?

– Гоша? Это тот мужичонка зачуханный? Вроде нет, не помню. Карбузый заходил, а этот нет. Зачем он тебе?

– Так... Стихи брал почитать, все никак не вернет.

– Чего? Стихи? – Чапа выглядел обескураженным. – Этот чухонец читает стихи?

Не отвечая, Валентин вышел в коридор.

«Зачуханного мужичонку» он обнаружил в щитовой. А перед этим еще раз побывал в кладовых, заглянул в пустующий душ. Именно в таких местах Гоша прятался от людей. Забитое существо, вызывающее у одних жалость, у других смех. Костлявый и нелепый, он был обряжен в такую же нелепую одежду: мышиноного цвета брюки, боты на металлических молниях, вельветовая куртка времен шестидесятых и лыжная шапочка, не покидающая головы в течение всего года. Разнорабочий стадиона скрывал под ней лысину – главный объект насмешек. «Шмурики, откуда у нашего Гоши плешь? Червонец тому, кто расколется!..» Обычно не раскалывался никто, зато все с удовольствием гоготали. Гоша работал на стадионе уже пятнадцать лет и все это время неизменно числился в категории разнорабочих. Видно, сама при-

рода снабдила его незримым седлом, на которое без конца вползали любители чужих загривков, посылая разнорабочего за пивом и сигаретами, заставляя копать, пилить и красить, под плохое настроение награждая оплеухами и пинками. И Гоша выполнял все безропотно, умудряясь однако сохранять при этом толику достоинства. Он играл роль отзывчивого малого, не желая признаваться ни себе, ни окружающим, что мало-помалу превратился в забитого раба. Именно эта нестыковка кажущегося и реального подтолкнула Валентина взять над Гошей опеку. Опека оказалась обременительной, не раз и не два приходилось разговаривать жестко, и тем не менее от Гоши отступились.

Разглядев в полумраке скрюченную угловатую фигуру, Валентин повернул тумблер и шагнул в щитовую.

– Привет, пролетарий!

С радостной суетливостью Гоша соскочил с лавки, пожав протянутую руку, неуклюже поклонился. Он действительно был рад Валентину, но улыбался смущенно и неестественно. Жизнь крепко поработала над ним, коли отучила делать такие простые вещи. Встречаясь с Гошей, Валентин нередко испытывал приступы раздражения. Согбенная фигура несчастного разнорабочего вызывала в нем слепую безадресную ярость. Почему же так случилось, почему не срослось? Кто был в большей степени виноват – гены, семья или школа? Можно было ручаться, что подобных Гош по стране насчитывались тысячи и тысячи... Он с трудом взял се-

бя в руки. В жизни мириться приходилось не только с этим, но именно в случае с Гошей он сознавал полное свое бессилие.

– Садись, – Валентин кивнул на скамью, а то Гоша так бы и стоял перед ним, словно рядовой перед генералом. – Садись и рассказывай.

Что-то пробормотав, Гоша зачем-то обошел скамью кругом и только потом неловко присел на самый краешек. Шагал он тоже нелепо – точно балерина выворачивая носки наружу, покачивая при этом костлявыми плечами, опасливо косясь по сторонам. Словом, – недотепа из недотеп. Смешной и жалкий, добрый и надежный.

Прежде чем заговорить, Гоша помолчал, собираясь с мыслями, плавным движением, словно пианист перед игрой, выложил на колени кисти рук.

– Сегодня прибирал в коридорах, – низким медлительным голосом начал он. – Чужих вроде не было. Начальники дважды собирались в кабинете, о чем-то ругались. Потом пили. Степчика заставили нырнуть с вышки, он жутко боялся, а все смеялись. Потом он еще нырял, пока не наглотался воды. Яша его шестом вытаскивал... А с утра суетились с сауной: меняли деревянную обшивку, вызывали техников.

– Во-от! А говоришь, чужих не было.

Гоша виновато заморгал.

– Техники тоже из наших, – несмело промямлил он. – Обслуживают котельную. Одного Павел зовут, другой – седень-

кий такой... Не помню имени...

– Ладно, продолжай, – Валентин успокаивающе махнул рукой.

– В общем сауну отладили. Сейчас там Яшины ребята, ну и... Некоторые из гимнасток, – Гоша густо покраснел. – А Сулик с Малютиным в бильярдной. Играют на деньги.

– Стало быть, вся гоп-компания кроме Алоиса? Жаль.

– Ну да, – Гоша неуверенно пожал плечами. Он словно ощущал некую вину за сказанное.

– Больше ничего?

На Гошином лице отразилась тихая паника. Плечи его снова поползли вверх. Он искренне переживал, что не может ничего добавить к рассказу.

– А помнишь – то, о чем я тебя просил? – Валентин заговорил чуть тише.

Разнорабочий испуганно востепенел. Голова его часто закивала.

– Да, это я сделал! Батарейку вставил, как вы просили.

– Никто тебя не видел?

– Нет, все тихо было, – Гоша заволновался. – Вчера ведь что было? Ну да! Они как раз в бильярдную ушли. А я взял совок с веником, как вы советовали – ну, и пробрался туда.

– Вот и молодчина, – Валентин похлопал его по плечу. – Ты все сделал правильно. Главное – спокойствие и осторожность. Если кто рядом, не рискуй... Как там наш Коля-Николай? Зубы по-прежнему не вставил?

– Он хотел, но туда надо днем, а Степчик не пускает. Днем – уборка территории, надо сжигать ящики, мусор, а тут еще новые дела навалились.

– Ясно. Значит приятель по-прежнему шепелявит. Зря.

– Я ему тоже говорил. Конечно, надо сходить! – губы у Гоши задрожали. Он и тут ощущал себя виноватым, хотел оправдаться, но не получилось. Коля-то Николай и впрямь шепелявил, и факт этот перевешивал все его Гошины старания... Приглядевшись к нему внимательнее, Валентин нахмурился.

– А ну-ка повернись, дружок!.. Еще немного. Так... Кто это тебя?

Левая щека у Гоши выглядела чуть припухшей. Синева еще не проявилась, но догадаться о случившемся было несложно.

– Кто-нибудь из Яшиных орлов?

Гоша понурил голову. Обстоятельства своих многочисленных избиений он предпочитал скрывать. Валентин вспомнил недавнюю усмешку Чеплугина.

– Не Чапа, нет?.. Ну, слава Богу. Тогда кто? Степчик, что ли?

Гоша не ответил, но по дрогнувшим плечам Валентин понял, что угадал. Степчику многое сходило с рук. Помощник директора слыл первостатейным хамом и частенько пускал в ход кулаки. Кое-кто поговаривал, что он гомик, и Валентин не видел причин не верить этому. Что-то в Степчи-

ке и впрямь виделось инородное. Даже то, с каким пылом утверждал он всюду свое мужское начало, невольно доказывало обратное.

– Подожди! Он что, приставал к тебе?

Гоша опустил голову. Пальцы его стиснули худые колени.

– Вот, значит, как... – Валентин невидяще уставился в пространство. Мерзкий холодок прокрался в грудь, стало больно дышать. Времена Акакий-Акакиевичев не прошли. Только когда-то над ними смеялись и в подворотнях стягивали шинельки. Сегодня их били без всякого стеснения, лишали зарплат и насиловали... Подобного бешенства Валентин не испытывал уже давно. Заставив себя разжать кулаки, глухим голосом спросил о совершенно постороннем.

– Там на главном складе какие-то ящики. Не видел, что в них?

Гоша заерзал на лавке, робко пролепетал:

– Какие-то банки... Ребята вскрывали, но я не видел. Может тушенка?

– Наверное, она и есть, – Валентин хлопнул Гошу по плечу. – Ладно, гляди бодрей, машинист! Не век нам кочегарить! – поднявшись, спросил. – Ты посидишь еще здесь?

– Нет, я ведь только на минуту. Отдохнуть, – Гоша с готовностью вскочил. Не зная куда девать руки, сложил их на животе, тут же перепрыгнул за спину. Смешное горемычное существо мужского пола и человеческого рода. Подвергни такого пыткам, и тогда бы Гоша не признался, что часами про-

сживает в подобных закутках. Иногда в темноте, иногда при свете, с клочками читанных-перечитанных газет на коленях или вперившись в темноту глазами забившегося в нору мышонка.

– Что ж, тогда выходим, – решил Валентин. – Ты первый, я за тобой.

Покачивая плечами, Гоша покинул щитовую. Выключив свет, Валентин немного помедлил и тоже вышел.

Николай ему так и не встретился. Стадион пестрел людьми, и разобрать, кто из них кто, представлялось абсолютно невозможным. Шагая по коридору, Валентин время от времени закрывал глаза и, проверяя память, мысленно прорисовывал схему поворотов и лестничных маршей. Он и впрямь успел выучить это чертово здание наизусть. Можно ли представить себе более бессмысленные знания?!

На этаже, приютившем администрацию, мимо с хихиканием продефилировала группа крепконогих конькобежек. С улыбкой на тонких губах шаркающей походкой за ними проследовал давидоподобный красавчик. Этаким кот, стерегущий своих кошечек. Валентин ничуть бы не удивился, узнав о том, что в штате спорткомплекса предусмотрена такая должность, как внух.

Остановившись, он бегло огляделся и, решительно толк-

нув дверь, оказался в кабинете Степчика. Увы, здесь тоже никого не было. Вхолостую работал огромный вентилятор, и, прижатый пресс-папье, трепетал под набегающим воздухом незаполненный бланк. На мраморном подоконнике высился давно высохший аквариум, единственной обитательницей которого была толстая синяя муха. Шагнув к столу, Валентин глянул мельком на бумаги, но ничего интересного здесь, разумеется, не лежало. Интересное жгут в каминах и прячут в сейфах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.